

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I—II

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1900

Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этническій составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ *).

Бродяче населеніе тундры между рѣками Индигиркой и Колымой ничтожно количествомъ. На пространствѣ приблизительно въ 60,000 кв. верстъ, кочуютъ всего около 800 чел., что составляетъ 75 кв. вер. на одного человѣка. Но для народовѣдѣнія населеніе это представляетъ интересъ не малой важности.

Во первыхъ мелкие роды, кочующіе на указанной тундрѣ, разнообразны по своему племенному составу и у нихъ именно этнографія можетъ получить любопытный материалъ для прослѣживанія взаимнаго вліянія другъ на друга въ духовномъ, материальномъ и физическомъ отношеніяхъ представителей разнородныхъ этническихъ группъ. Тамъ отношенія между племенами не отличаются сложностью взаимовліяній большихъ и культурныхъ народовъ, исторія столкновеній между собой отдельныхъ родовъ не отличается древностью и при внимательномъ изученіи, не трудно разобраться въ процессѣ взаимодѣйствія пришлыхъ племенъ, каковы: тунгузы, ламуты, якуты и русскіе пришельцы, иaborигеновъ страны — юкагировъ, чукчей и др. Во вторыхъ бытъ и нравы полярныхъ обитателей тундры нашего крайняго сѣверо-востока весьма мало известны образованной публикѣ, ибо рѣдко кто изъ путешественниковъ имѣлъ возможность ихъ наблюдать, а тѣ незначительныя свѣдѣнія, которыя попадаются о нихъ въ этнографической литературѣ не отличаются особой точностью.

Главною цѣлью моего изученія въ бытность мою членомъ Якутской экспедиціи въ 1894—97 гг. было маленькое и вымирающее, но любопытное племя юкагировъ, которыхъ этнографы причисляютъ къ такъ называемымъ Гипербореямъ. Разумѣется въ классификаціонномъ смыслѣ терминъ этотъ ничего собой не выражаетъ и известный этнографъ Пешель не даромъ выразился, говоря о некоторыхъ племенахъ Сѣверо-Восточной Сибири и между прочимъ о юкагирахъ, что по отношенію къ нимъ научное зданіе народовѣдѣнія находится еще въ него-

*.) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Импер. Рус. Географ. Общ. 29-го октября 1899 г.

твомъ видѣ. Съ отдельными родами юкагирского племени, родами, разбросанными на громадномъ разстояніи другъ отъ друга между р.р. Колымой и Яной, я жилъ и странствовалъ болѣе двухъ лѣтъ. Моей второстепенной экспедиціон-

Двѣ юкагирскихъ молодыхъ девушки съ рѣки Ясачной въ лѣтнихъ костюмахъ.

ной задачей было изслѣдование полярныхъ якутовъ. Разумѣется, что въ той или иной степени пришлось также знакомиться съ другими племенами, съ которыми обѣ названныя народности приходять въ столкновеніе. Изслѣдование юкагировъ меня привело также къ бродичимъ родамъ Колымской тундры, на которой я провелъ Январь, Февраль и часть Марта 1897 г., и свѣдѣнія, которыхъ будутъ приведены въ настоящемъ очеркѣ, заимствованы изъ собран-

собранныхъ мной, но необработанныхъ еще материаловъ для составленія монографіи о юкагирскомъ племени *).

Отъ края лѣсовъ, приблизительно отъ 68° с. ш., къ югу живеть сѣверный осколокъ тюркского племени якутовъ, пришедшихъ въ полярный край со скотомъ въ весьма недалекомъ прошломъ изъ Якутского округа, но теперь на половину только оставшихся скотоводами. Къ сѣверу отъ нихъ до береговой полосы Ледовитаго моря бродятъ 4 маленькихъ рода. Два изъ нихъ юкагирскіе: первый и второй Алазейскіе, одинъ родъ Тунгузскій и одинъ Ламутскій. Необходимо тутъ замѣтить, что ламуты и тунгузы суть не отдельныя племена, а родовыя названія одного и того же, родственаго Манджурамъ, племени—тунгусскаго. На самой сѣверной тундрѣ у береговъ океана, преимущественно въ устьяхъ рѣкъ, начиная отъ р. Колымы до р. Шандрона **), живутъ и кочуютъ немногочисленныя чукотскія семьи, недавніе выходцы съ восточныхъ береговъ р. Колымы. Небольшое число чукочъ живеть еще на притокѣ Индигирки Іерченъ ***) и отчасти въ нижнемъ теченіи р. Алазеи.

Кромѣ того на Колымо-Алазейской тундрѣ то здѣсь, то тамъ можно встрѣтить въ поискахъ за пищей ламутское семейство съ южныхъ отроговъ Алазейскаго хребта или юкагиро-ламутскій лагерь съ западныхъ береговъ Индигирки.

Прежде чѣмъ характеризовать бытовыя особенности бродячихъ родовъ Колымской тундры, необходимо сказать нѣсколько словъ о природѣ края. Весь крайній сѣверо-востокъ Азіи, вопреки обычному представлению о тундрѣ,

*) До сихъ порь на основаніи собранныхъ материаловъ напечатаны мной слѣдующія статьи: 1) Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. Живая Старина, вып. II, 1895 г.; 2) Къ вопросу объ исчезнувшихъ народностяхъ Колымскаго края. Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества, т. XXVIII, № 2, 1897 г.; 3) Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи инородцевъ крайняго сѣвера Якутской области. (Съ картой маршрутовъ). Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. XXIX, (1898) стр. 9—25; 4) Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. Спб. 1898, Труды Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирикова. Отд. III, т. X, ч. 3; 5) По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества, т. XXXIV, вып. 3. 1898 г.; 6) Нѣкоторыя данные о рыбахъ Колымскаго края. Землевѣдѣніе, III—IV. Москва, 1898; 7) Образцы материаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1898 г. Сент., т. IX, № 2; 8) Über die, im Auftrage der Kaiserlich-Russischen-Geographischen Gesellschaft, ausgefÃ¼hrte Untersuchung der Völkerschaften der Provinz Jakutsk Berg, 1899. Сообщеніе, читанное мной въ засѣданіи Бернскаго Географического Общества 17 ноября 1898; 9) Über die Sprache und Bilderschrift der Jukagiren. Jahresbericht der Geographischen gesellschaft in Bern, 1900. Докладъ, читанный въ засѣданіи Бернскаго Географич. Общ. 29 июня 1899; 10) In Polargegenden. Ethnographische Skizzen, журналъ Mutter-Erde. Berlin. 1898—99; 11) Скоро выйдетъ: Первый томъ материаловъ по юкагирскому языку и фольклору. Юкагирскіе тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Издание Имп. Академіи Наукъ.

**) Шандронъ—исковерканное юкагирское слово Ша́н-дэн-у́, что значитъ: лѣнствая рѣка, отъ Шал—дерево, лѣсъ и Эну—рѣка. Верховья этой полярной рѣчки покрыты лиственничнымъ лѣсомъ.

***) На картахъ этотъ притокъ Индигирки названъ Эрченъ, но местные инородцы произносятъ Іерченъ.

какъ о понижающейся къ морю равнинѣ, образуетъ настоящую горную страну, скалы которой мѣстами вдаются въ океанъ. Къ востоку отъ рѣки Лены до Тихаго океана, мы встрѣчаемъ въ полярномъ краѣ только три значительныхъ равнинны: въ среднемъ теченіи Индигирки, на пространствѣ между рр. Алазеей и Колымой и въ области р. Чауна къ востоку отъ Колымы.

Райономъ кочевокъ тундренныхъ родовъ служитъ вторая низменность, заключенная между западнымъ, «землянымъ» берегомъ Колымы и восточнымъ, холмистымъ Алазеи. Вся эта область покрыта густою сѣтью многочисленныхъ озеръ, различныхъ размѣровъ — начиная отъ бассейновъ въ сто верстъ въ окружности и кончая топями или испаряющимися лѣтомъ лужами. Всѣ озера соединены съ рр. Колымой, Чукочьей, Алазеей или между собою посредствомъ постоянныхъ или временныхъ рѣчекъ, называемыхъ висками. Съ птичьаго полета эта страна озеръ должна быть похожа на рѣшето съ неправильными ячейми.

Образованіе этихъ озеръ надо, повидимому, приписать какъ обильнымъ зимнимъ осадкамъ, такъ и рельефу мѣстности. Слой снѣга достигаетъ недѣлко толщины въ два и больше аршина. Не имѣя весной стока, снѣжная вода заполняетъ всѣ углубленія равнины. Хотя рѣки Чукочья и Алазея получаютъ посредствомъ високъ свое питаніе главнымъ образомъ изъ озеръ, но медленное теченіе високъ и ничтожное испареніе воды во время короткаго лѣта способствуютъ сохраненію озерныхъ бассейновъ. Большинство озеръ имѣетъ берега низкіе, болотистые, кочковатые; но надъ нѣкоторыми возвышаются невысокіе земляные яры. Часто одно озеро отъ другого раздѣляетъ валъ или кочковатое мѣсто шириной въ нѣсколько сажень или даже метровъ.

Климатъ страны является, послѣ такъ назыв. полюса холода около Верхоянска, наиболѣе суровымъ на земномъ шарѣ. Температура падаетъ зимой до -65° Ц. и ниже. Рѣки вскрываются въ концѣ Мая, а около устьевъ — въ началѣ Іюня, и покрываются льдомъ въ Сентябрѣ. На тундренныхъ озерахъ ледъ стоитъ еще въ концѣ Іюня и даже въ Іюлѣ.

Отсутствіе теченія на озерахъ лишаетъ полярную природу механическаго дѣятеля, разбивающаго и раздробляющаго рѣчные льды, а лѣтнєе солнце, хотя и не сходитъ съ горизонта, слишкомъ медленно плавить 3-хъ аршинную толщу озерныхъ льдовъ.

Почва оттаиваетъ на полъ аршина, самое большое на $\frac{3}{4}$ аршина. Собственно говоря, нельзѧ назвать тамъ верхній слой земной коры почвой, ибо перемѣшанные между собой ледъ, земля и торфъ образуютъ лѣтомъ, когда они оттаиваютъ, тотъ библейскій хаосъ, когда жидкій и твердый элементы еще не были отдѣлены другъ отъ друга. Весь край представляетъ собой лѣтомъ обширное травяное или моховое болото съ многочисленными озерами. Виски, соединяющія озера между собой, часто покрыты болотной растительностью, скрывающей ихъ отъ глазъ неопытнаго путешественника, попадающаго внезапно въ глубокую канаву изъ жидкой черной грязи.

Такимъ образомъ сообщенія въ странѣ лѣтомъ затруднены или вовсе прекращаются. Якутскія лошади края лѣсовъ бродятъ по брюху въ болотъ, а на оленяхъ верхомъ можноѣздить только въ гористыхъ мѣстахъ, съ которыхъ вода легко стекаетъ. На тундрѣ же только склоны холмовъ представляютъ собою какъ бы слабую попытку природы отдать воду отъ суши, но попытку недоведенную до конца. Впрочемъ, такое раздѣленіе элементовъ въ полярной странѣ не имѣло бы особаго смысла, ибо и безъ того всѣ жидкости въ теченіе 9 мѣсяцевъ обращены въ твердые массы.

Зимой же край, скованный льдомъ, покрытый снѣгомъ и лишенный свѣта, являетъ собой картину того періода въ исторіи земли, когда она, по расчетамъ астрономовъ, будетъ умирать вслѣдствіе угасанія самаго источника жизни на землѣ — солнца. Стоитъ ему только одно лѣто остаться за горизонтомъ, какъ вся скучная органическая жизнь полярнаго края прекратила бы свое существованіе. Но къ счастью солнце является каждую весну и растительный и животный міръ за короткое лѣто запасается тепломъ и свѣтомъ для длинной зимы. Понятно, что при такихъ климатическихъ условіяхъ материальная культура обитателей края должна быть самая первобытная и жалкая. Высокій градусъ широты предписываетъ имъ извѣстный образъ жизни. Тамъ не только земледѣліе невозможно, но, заведенное съ юга якутами почти до 69° с. ш., скотоводство должно вести жестокую борьбу съ суровостью климата. Якуты притундренной полосы, полосы корявыхъ лиственницъ и южнаго предѣла кочевокъ тундренныхъ родовъ, являются уже наполовину собаководами, а свое питаніе они почти исключительно получаютъ отъ рыбнаго промысла на озерахъ.

Что касается до 4-хъ тундренныхъ родовъ, то на особенности ихъ быта, кроме климата, вліяютъ еще этническіе факторы. Ихъ образъ жизни, языкъ, вѣрованія и обычаи такъ же смѣшаны, какъ ихъ племенной составъ. Приведу прежде всего нѣкоторыя данныя о происхожденіи и мѣстахъ кочевокъ каждого изъ тундренныхъ бродячихъ родовъ.

Первый Алазейскій юкагирскій родъ, кочующій теперь по р. Б. Чукочьей, есть остатокъ древняго населенія Большой тундры. Ихъ называютъ Алайми, что значитъ Алазейцы, или Алам-омокъ т. е. Алазейскій родъ. Свѣдѣнія прежнихъ путешественниковъ, въ томъ числѣ и барона Брангеля, объ омокахъ, какъ объ исчезнувшемъ полярномъ племени, основаны на недоразумѣніи. Омоили омокъ по юкагирски значить родъ, и оники и юкагиры одно и тоже племя. Преданіе же объ исчезнувшихъ омокахъ можетъ относиться только къ тому или другому вымершему юкагирскому роду, а не къ племени.

Второй Алазейскій юкагирскій родъ, называющій себя Эрбеткенъ-омокъ или Дудки-омокъ, кочуетъ по западному берегу р. Алазеи. Эрбеткенъ слово ламутское и означаетъ гусиный, отъ «эрбеть»-гусь. Названіе это связано съ легендой о родовомъ шаманѣ, летавшемъ оборотившись гусемъ. Дудки тоже ламутское слово и означаетъ: на прямки идущій, т. е. человѣкъ, для котораго не существуетъ препятствій. Значеніе этой клички можетъ служить указаніемъ на

юкагирское происхождение этого рода, ибо эпические сказания рисуютъ древнихъ юкагировъ храбрыми и ловкими воинами. По преданию, этотъ родъ пришелъ на Алазею съ р. Индигирки. И действительно, обламутѣвши юкагирскій родъ на Индигиркѣ, официально называемый Каменно-юкагирскимъ, тоже именуетъ себя самъ Дудки. Тѣмъ же именемъ называетъ себя объякутѣвши Омолойскій юкагирскій родъ на р. Янѣ.

Третій тундренныи родъ, кочующій на одной территории съ Эрбеткенъ-омокъ и самъ себя называющей юкагирскимъ словомъ Ходейджилъ-омокъ официально числится «Вторымъ каменно-ламутскимъ родомъ» и сохранилъ преданіе о своемъ приходѣ на Алазейскую сторону съ хребтовъ восточнаго, гористаго берега р. Колымы, гдѣ и теперь кочуютъ ламутскіе роды. Но трудно утверждать, чтобы происхождение этого рода было чисто ламутское. Въ архивныхъ бумагахъ начала этого столѣтія онъ называется то юкагирскимъ, то ламутскимъ родомъ.

Четвертый родъ Тунгузскій, самый большой, кочующій по тундрѣ между рр. Б. Чукчей и Алазеей, официально называется Тунгузскимъ Бетильскимъ. По сохранившемуся преданію родоначальники этого рода пришли на тундру съ якутской стороны. Ихъ было семь братьевъ, изъ которыхъ старшій шаманъ. Когда они пришли на «Большую рѣку» *) т. е. рѣку Алазею, шамана заставили шаманить, чтобы узнать отъ духовъ, гдѣ имъ засѣсть. Послѣ камланія шаманъ оборотился въ орла, сѣлъ на дерево и все перья у него выпали. «На этой землѣ дѣти наши жить будутъ», сказалъ онъ. Тогда они поселились на рѣкѣ Алазеѣ. Пошли они вверхъ по рѣкѣ, къ лѣсамъ, встрѣтили якутскую девушку и насильно увезли ее; пошли внизъ по рѣкѣ, нашли юкагировъ во время пляски. Увидѣвъ ихъ, юкагиры стали луки и стрѣлы готовить, но тунгузскій шаманъ приворожилъ юкагирскихъ девушекъ, которые перебѣжали къ тунгусамъ и юкагиры не стали съ ними воевать, помирились. Отъ этого союза произошелъ Бетильскій родъ. Судя по этому преданію, въ генеалогіи рода участвовали не только тунгусо-юкагирскіе элементы, но и якутскіе.

Замѣчу, что Бетильскій родъ имѣется у тунгусовъ, какъ Якутскаго, такъ и Вилюйскаго округовъ.

Всѣ указанные четыре рода, выбираютъ каждый своего князца, но они соединены еще однимъ общимъ выборнымъ лицомъ, именуемымъ «головою».

Роль князцевъ исчерпывается сборомъ съ родовитей ясака, по 1 рублю съ чѣмъ-то съ души въ годъ, и доставленіемъ его Кодымскому исправнику. Они еще заботятся объ отправлении натуральной повинности по провозу зимой на оленяхъ изъ Средне-Колымска на тундру и обратно исправника и священника. Голова же никакой роли не играетъ. Выборъ головы есть наслѣдіе Зашиверскаго Комисарства, обнимавшаго въ прошломъ столѣтіи два нынѣшнихъ округа Верхоянскій и Колымскій.

*) Р. Алазея на тундренномъ юкагирскомъ нарѣчи называется Чомод-Эну т. е. Большая рѣка.

Тогда голова завѣдывала всѣми бродячими родами Полярной части Якутской области, т. е. онъ отвѣчалъ за ясакъ и доставлялъ въ русскія зимовья, такъ называемыхъ аманатовъ т. е. заложниковъ. Еще въ концѣ прошлаго вѣка Зашиверскія власти брали у бродячихъ инородцевъ въ залогъ дѣтей, чтобы

Младший братъ князца первого Алазейского юкагирского рода.

Князецъ Бетильского Тунгусского рода съ кортикомъ, пожалованнымъ Екатериной II и переходящимъ отъ князца къ князцу.

обеспечить себѣ ихъ покорность и правильное поступление ясаку, ибо розыскивать бродячихъ людей на безконечной тундрѣ или въ мало-приступныхъ хребтахъ дѣло не легкое. Бродячіе инородцы сами приносили въ русскія зимовья ясакъ, какъ это и теперь дѣлаютъ. Но случалось, что тотъ или другой родъ забирался

въ невѣдомыя дебри и не являлся нѣсколько лѣтъ. Обязанностью головы было предупредить такое уклоненіе отъ ясачныхъ обязанностей. Большой частью эти «головы» назначались изъ воспитанныхъ русскими аманатовъ. На тундрѣ еще передаются разсказы объ иѣкоемъ «Афонькѣ», бывшемъ головой тундrenныхъ родовъ при Екатеринѣ II. Онъ умелъ говорить по русски и зналъ даже русскую грамоту. Это искусственное административное объединеніе въ извѣстномъ смыслѣ содѣствовало ассимилированію различныхъ племенныхъ группъ. По закрытии въ 1822 Зашиверского Комисарства бродячие роды къ западу отъ Алазеи и Индигирки причислены были къ г. Верхоянску, а кочевые роды къ востоку отъ Алазеи — къ г. Средне-Колымску. Головой въ то время былъ родовичъ изъ Бетильского рода и такимъ образомъ онъ остался завѣдующимъ 4-хъ маленькихъ родовъ. Теперь голова послѣдними выбирается каждые 3 года, и утверждается губернаторомъ, но вся его дѣятельность заключается въ томъ, что при встречѣ исправника онъ одѣваетъ кортикъ и красный пожалованный ему каftанъ.

Если навязанное тундrenнымъ родамъ административное объединеніе въ лицѣ головы чисто вѣшнее, то внутренней, естественной связью между ними служитъ общность языка. Всѣ эти роды говорятъ теперь нарѣчіемъ юкагирского языка. До сихъ поръ это тундrenное нарѣчіе считали тунгузскимъ языкомъ. Такъ и теперь его называютъ русскіе на Колымѣ. Таковымъ его считали прежніе путешественники и въ томъ числѣ послѣдній путешественникъ баронъ Майдель, видѣвшій тундrenные роды и бывшій на тундрѣ въ 1870 г. Впрочемъ, баронъ Майдель, который, въ бытность свою начальникомъ, такъ называемой Чукотской экспедиціи, былъ назначенъ для удобства изслѣдованія временнымъ исправникомъ Колымского округа, очевидно, не зналъ также, что въ Верхнеколымской части, управляемаго имъ округа еще сохранился юкагирский языкъ. Образцы словъ и фразъ, доставленные имъ академику Шифнеру, были имъ записаны на Анадырѣ въ обрусѣвшей юкагирской семье отъ старухи, помнившей еще свой родной языкъ ⁷⁾). Съ того времени малоизученный, но интересный юкагирский языкъ считался вымершимъ, и еслибы это было такъ, то лингвистика была бы лишена возможности, когда либо определить его родство съ той или другой группой языковъ, а этнографія одного изъ средствъ для классификации племени. Теперь оказалось, что не только языкъ еще сохранился въ Верхнеколымскихъ юкагирскихъ родахъ, но что выработался отдельный тундrenный диалектъ. Послѣдний, правда, всосалъ въ себя извѣстное количество тунгузскихъ словъ, но слова эти подчинены законамъ грамматики юкагирского языка. Отъ Верхнеколымского нарѣчія онъ отличается главнымъ образомъ своей фонетикой. Большинство же корней одни и тѣ же въ обоихъ нарѣчіяхъ. Хотя на тундрѣ и сохранилось преданіе, что нарѣчіе тундrenныхъ родовъ есть языкъ древнихъ Алаевъ, т. е. Алазейскихъ юкагировъ и что Бетильцы когда то говорили на

⁷⁾ Необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ записей образцовъ юкагирского языка, сдѣланныхъ до сихъ поръ, записи барона Майделя оказываются самыми лучшими.

инымъ языкѣ, тѣмъ не менѣе въ настоящее время главными представителями этого языка являются Бетильскіе тунгусы. Они не только говорятъ «Міт ару—одуд-ару т.-е.» нашъ языкъ есть юкагирскій языкъ, но сами о себѣ говорятъ одулнгожайі т. е. мы «одулы». Одуль — общее племенное название юкагировъ и означаетъ «крѣпкій», «сильный». Юкагиры сами себя такъ называютъ, по всей вѣроятности, потому, что, какъ я уже раньше замѣтилъ, они считались самыми храбрыми воинами на всемъ сѣверо-востокѣ. Изъ другихъ же народностей края — русскіе называютъ Бетильцевъ тунгусами, подразумѣвая впрочемъ подъ этимъ именемъ всѣ тундренные роды, и языкъ ихъ тунгусскимъ, а якуты или «тонгусъ» или хангаями (хангаілэр) а языкъ ихъ хангайский (ханга-тыла). Весьма возможно, что слово хангай заимствовано съ монгольского ханга — охотиться. Слово это усвоено Верхнеколымскимъ юкагирскимъ нарѣчіемъ, промышленникъ называется хангичэ. Хангаілэр такимъ образомъ можетъ быть означаетъ — охотники, охотничій народъ. Верхнеколымскіе юкагиры, удаленные отъ тундренныхъ родовъ тысячеверстнымъ разстояніемъ, называютъ ихъ однимъ именемъ Алаи, но подразумѣвая подъ этимъ не родственныхъ себѣ юкагировъ, а тунгусовъ. Сами Бетильцы называютъ тундренныхъ юкагировъ только родовымъ именемъ Алаи; индигирскихъ юкагировъ — Дудки, а колымскихъ — Когимэ. По рассказамъ же колымскихъ юкагировъ Когимэ есть название одного вымершаго юкагирскаго рода.

Когда я сообщилъ Верхнеколымскимъ юкагирамъ, что тѣ тундренные люди, которыхъ они называютъ тунгусами, говорять на юкагирскомъ языкѣ и имѣютъ себѣ одул, то они были весьма удивлены первымъ обстоятельствомъ, а по поводу второго вознущены самозванствомъ тунгусовъ. Князецъ пришелъ въ такую ярость отъ моего рассказа, что онъ воскликнулъ: «Еслибъ тунгусъ сказалъ при мнѣ, что онъ одул, я бы ему лицо разбилъ». Изъ сказанного по поводу тундренного нарѣчія видно, насколько непадежна народная классификація языковъ и какъ перепуталось тамъ взаимное представление различныхъ племенъ другъ о другѣ. Эта путаница отразилась также въ этнографической литературѣ.

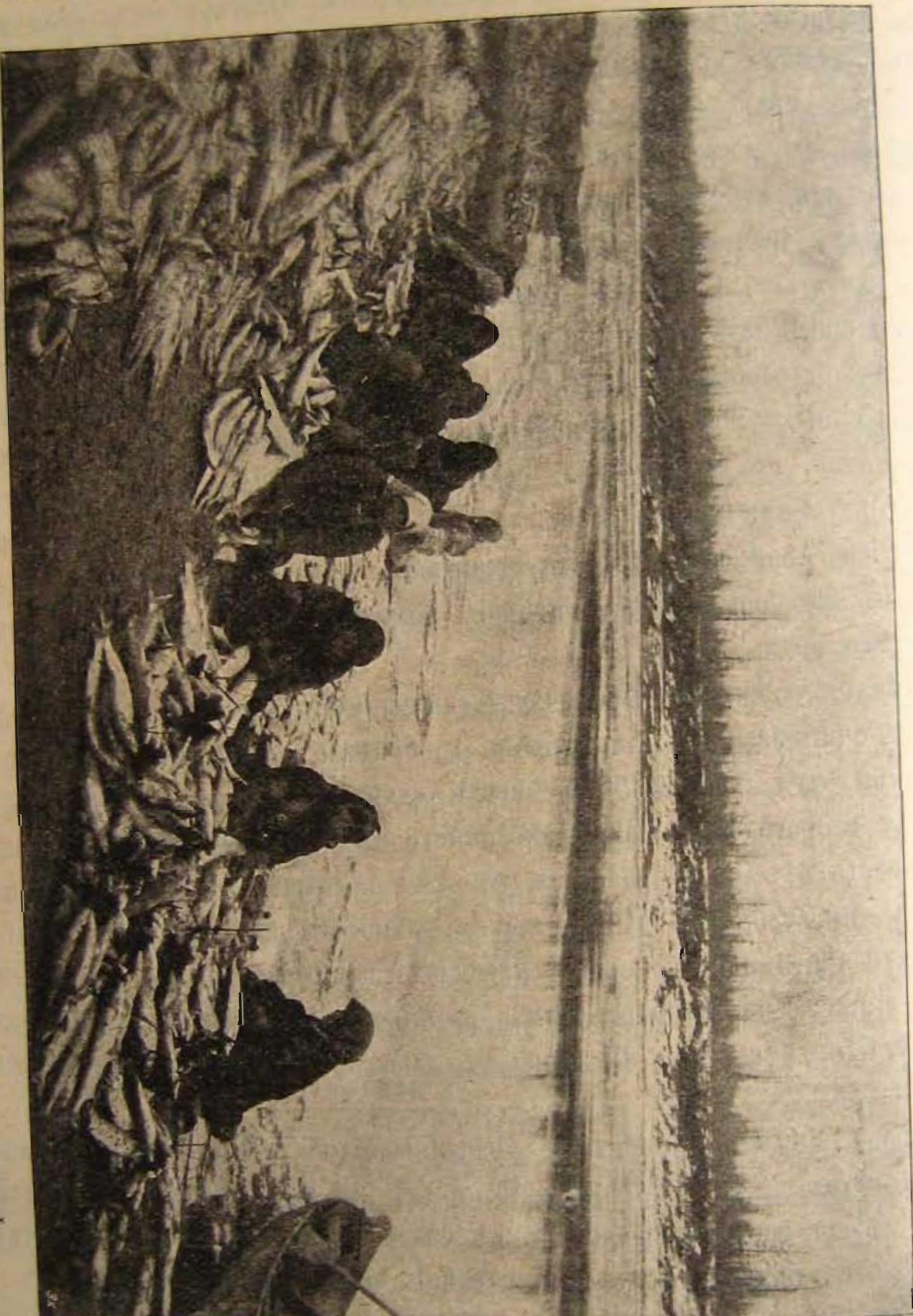
Баронъ Майдель говорить о тундренныхъ людяхъ Колымскаго края только какъ о тунгусахъ, а г. Сѣрошевскій, послѣдній авторъ писавшій о племенахъ крайняго сѣвера-востока, сообщаетъ въ свою прекрасномъ трудѣ о «Якутахъ», со словъ послѣднихъ, слѣдующія свѣдѣнія о мелкихъ народностяхъ глубокаго сѣвера. Сѣверные тунгусы дѣлятся на морскихъ и горныхъ. Горные еще распадаются на двѣ вѣтви, схожихъ по виѣшности и обычаямъ, но говорящихъ разными нарѣчіями. Такія же вѣтви есть и среди морскихъ тунгусовъ. Одна изъ этихъ вѣтвей есть народецъ Кангхай *), кочующій съ чукчами въ пизовыхъ Индигирки и Коалмы. Къ приморскимъ тунгусамъ причисляются также юкагиры.

Изъ того, что мнѣ сообщено было о юкагирахъ и о тунгусо-ламутскихъ

*). См. Сѣрошевскій. Якуты, стр. 246.

родахъ Колымского и Верхоянского округа, можно видѣть насколько спутаны свѣдѣнія якутовъ, приведенные указаннымъ авторомъ.

Якутское дѣление тунгусовъ на «морскихъ» и «горныхъ» можно назвать топографическимъ. Море и тундра, камень и хребетъ являются въ

Юкагирки на р. Ясачной связываютъ десятками омулей общественного промысла для дальнейшего раздела рыбы на пан (См. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону». Изв. И. Р. Г. О. 1898 б. 3).

местномъ русскомъ нарѣчіи синонимами, такъ что «морскимъ» человѣкомъ называютъ жителя тундры, а «каменнымъ» человѣкомъ—обитателя горъ. Официальное наименование ламутскихъ и юкагирскихъ родовъ, кочующихъ по хребтамъ, каменно-ламутскими или каменно-юкагирскими основано на этомъ именно дѣленіи. Разумѣется, что въ этнологическомъ смыслѣ оно не существенно. Еще менѣе смысла имѣть дѣление тунгусовъ на двѣ вѣтви, говорящихъ разными нарѣчіями. Всѣ тунгусы и ламуты Якутской области, за исключеніемъ тѣхъ, ко-

торые объякугъли (какъ въ устьѣ Лены или Яны) или обьюкагиръли (какъ на Колымской тундрѣ и на рѣкѣ Ясачной), говорить диалектами общаго всему племени языка — тунгусского, изученнаго Кастреномъ. Народецъ Кангхай очевидно есть Бетильскій Тунгусскій родъ, называемый якутами Хангаями и кочующій на тундрѣ между Б. Чукочью и Алазеей, а не въ устьяхъ Индигирки и Колымы. Юкагировъ якуты причислили къ тунгусамъ, должно быть, потому, что на тундрѣ тѣ, и другіе говорятъ однимъ языкомъ — юкагирскимъ.

Специально же въ тундренномъ т. е. юкагирскомъ нарѣчіи мы получаемъ ясное доказательство ненадежности одного языка въ роли признака для классификаціи расъ. Тутъ мы видимъ не только усвоеніе тунгусами юкагирского языка, весьма мало общаго имѣющаго съ урало-алтайской группой языковъ, къ которой, по классификаціи Кастрена, принадлежитъ тунгусскій языкъ, но и присвоеніе себѣ ими племеннаго названія народа, выработавшаго этотъ языкъ; съ другой стороны въ обоихъ юкагирскихъ родахъ тундры физическія свойства не могутъ уже въ настоящее время служить показателемъ древне-юкагирского типа. По отношенію къ Алаямъ именно языкъ является доказательствомъ ихъ юкагирского происхожденія. По типу же они вполнѣ приблизились къ тунгусамъ. Не даромъ Миддендорфъ, видѣвшій случайно въ Якутскѣ привезенныхъ туда за какое то преступленіе, двухъ Индигирскихъ юкагировъ, причислилъ ихъ къ тунгусской вѣтви монгольской расы.

Къ сожалѣнію я не могу тутъ вдаваться въ подробности о типѣ юкагиро-тунгусовъ. Антропологический материалъ мой о юкагирахъ еще не обработанъ, а сравнительными данными о физическомъ типѣ тунгусовъ — племени, разрозненные части которого разбросаны на громадномъ пространствѣ между Китаемъ и Ледовитымъ океаномъ и Енисеемъ и Охотскимъ моремъ, антропология еще не располагаетъ.

Какъ бы то ни было два приведенныхъ мной первостепенныхъ элемента въ вопросѣ о племенномъ родствѣ — языкъ и типъ — достаточно уже указывать на смѣшанность тундренныхъ родовъ и на взаимное вліяніе составляющихъ ихъ элементовъ. Тунгусы переняли юкагирский языкъ, введя въ него известное количество тунгусскихъ корней, а юкагиры приблизились къ тунгусамъ по физическимъ свойствамъ, сохранивъ некоторые племенные особенности.

Тѣ же слѣды смѣшанія разнородныхъ этническихъ группъ мы находимъ въ бытѣ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ тундренныхъ родовъ. Относительно вѣрованій слѣдуетъ замѣтить, что они носятъ гораздо болѣе юкагирскій характеръ, чѣмъ тунгусскій. Не то съ материальнымъ бытомъ и обычаями; въ нихъ тунгусское вліяніе довольно сильно.

Мы имѣемъ всѣ данные утверждать, что древніе юкагиры области р. Колымы были рѣчными жителями, собаководами, рыболовами и охотниками. Трудноѣ решить этотъ вопросъ по отношенію къ древнимъ тундреннымъ юкагирамъ, занимавшимъ рѣки Алазею и Большую Чукочью. Рѣшеніе этого вопроса связано съ другимъ вопросомъ — откуда взялся на тундрѣ домашній олень?

Есть указания на то, что на крайнемъ съверо-востокѣ въ недалекомъ еще прошломъ были мелкіе олennые роды, служившіе связью между юкагирами и чукчами. Къ нимъ можно причислить живущій еще остатокъ чуванского племени. Какой былъ у этихъ родовъ олень—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ теперешній тундренный домашній олень не чукотскій, а тунгусскій. Чукотскіе и тунгусскіе олени образуютъ по своимъ физическимъ свойствамъ двѣ вполнѣ отличныхъ расы. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что домашній олень пришелъ къ тундреннымъ юкагирамъ съ юга, вмѣстѣ съ тунгусами. Теперь же всѣ четыре рода—оленныe люди. Но оленеводами въ строгомъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать. По произведенной мной на тундрѣ переписи оказалось,

Подледный промыселъ рыбы юкагировъ на р. Ясачной. (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

что изъ 66 шатровъ, составляющихъ 4 рода, одно только хозяйство имѣло 60 оленей, два по 50, а среднее—отъ 10 до 20 оленей. Всѣ же 66 семействъ имѣли вмѣстѣ 1020 оленей, въ то время какъ одинъ богатый чукча западной тундры, Арапа, владѣетъ стадомъ въ 5000 оленей. У большинства изъ указанныхъ семействъ едва хватаетъ оленей на перевозку урасы, семьи и домашняго скарба при перекочевкахъ. Нѣкоторыя семьи имѣютъ всего 2—3 или 5 оленей, а для того чтобы двинуться въ путь средней семье въ 5 человѣкъ, нужно отъ 20 до 30 санокъ, стало быть 20—30 оленей. Такіе люди кочуютъ въ хвостѣ болѣе богатаго родственника, пользуясь его лишними олѣями, или они перевозятъ свое хозяйство по частямъ, причемъ взрослые и здоровые члены семьи ходятъ пѣшкомъ. Такой способъ кочевки называется на Колымѣ «кочевать съ отвозомъ». Такимъ образомъ домашній олень не только не питаетъ тундренныхъ людей, но и недостаточно выполняетъ свою роль рабочаго скота. Какъ и у юкагировъ—собаководовъ, главной пищей этихъ оленныхъ людей

служить рыба, добываемая ими въ рѣкахъ Алазѣ и Большой Чукочьей и въ многочисленныхъ озерахъ тундры.

Въ рѣкахъ встречается «блѣлая рыба» нельма, омуль, муксунъ, въ озерахъ чирь, пелядь, щокуръ — это все различные виды *Coregonus* т. е. сига. Въ озерахъ, ближайшихъ къ морю, имѣется красная рыба «краска», одинъ изъ видовъ *Salmo*, кромѣ того водятся въ озерахъ щука, налимъ. Тундровые озерные чиры (*Coregonus nasutus*) подъ названіемъ Алѣрскихъ, отъ имени двухъ озеръ — Большого и Малаго Алѣрскаго, славятся вкусомъ во всемъ краѣ. Промышляютъ тундровые люди рыбу сѣтями изъ конскихъ волосъ, выѣзжая въ легкихъ челнокахъ изъ тонкихъ осиновыхъ досокъ, называемыхъ тамъ вѣтками. При переходѣ лѣтомъ отъ одного озера къ другому тундровые рыбаки волокутъ за собой челноки по мокрому мѣстистому грунту, точно санки, или переносятъ ихъ на плечахъ черезъ болота и кочки.

Тундровый рыбакъ переноситъ свой челнокъ изъ одного озера въ другое.

Побочнымъ источникомъ питания служитъ охота на дикихъ оленей. Главный промыселъ оленей производится весной по насту, когда олени изъ лѣсовъ направляются для лѣтняго пребыванія къ морскому берегу, или на острова. Тогда, говорятъ юкагиро-тунгусы, слухъ дикаго оленя притупляется. Зимой же промыселъ на него трудный: олень не подпускаетъ къ себѣ, онъ слышитъ шумъ на далекомъ разстояніи. Это объясняется тѣмъ, что сжатый морозомъ воздухъ является хорошимъ проводникомъ звука. Зимой на тундрѣ малѣйшій шорохъ передается на десятки верстъ кругомъ. Вы слышите трескъ отъ замерзанія выдыхаемаго пара, и малѣйшее движение въ атмосфераѣ отражается въ вашемъ ухѣ какимъ либо звукомъ или шумомъ. Трудна также охота на оленя осенью во время любовнаго сезона. Лѣтомъ тоже по временамъ удается убить оленя на озераѣ, куда онъ заходитъ, спасаясь отъ комаровъ, или подкрадываться къ нему на тундрѣ, ползая брюхомъ по мокрымъ мхамъ, ибо тамъ нѣть деревьевъ, за которыми охотникъ могъ бы скрываться во время частаго оглядыванія назадъ преслѣдуемаго оленя.

Интересно указать тутъ, что тундровые охотники употребляютъ еще на охотѣ главнымъ образомъ оружіе костяного вѣка—лукъ и стрѣлы, въ то время какъ у верхнеколымскихъ юкагировъ и лѣсныхъ тунгусовъ мы уже находимъ почти исключительно кремневую винтовку. Отсталость тундроваго охотника объясняется не одной недоступностью для него оружія желѣзного вѣка, а также отсутствиемъ на тундрѣ бѣлки, для промысла которой необходимо ружье.

Охота Верхне-Колымскихъ юкагировъ на оленей по насту на лыжахъ (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

Значительнымъ подспорьемъ въ питаніи служитъ еще лѣтомъ перелетная птица. Утки, гуси и лебеди убиваются всякими способами—стрѣлами, нетлями и сѣтями, а во время линянія—просто палками, но праздникъ дичи продолжается не долго и, не смотря на то, что въ мерзлой почвѣ тундры всякая вырубленная топоромъ яма является естественнымъ ледникомъ, бродячие люди мало кладутъ въ запасъ изъ убитыхъ птицъ. Отчасти это объясняется первобытной непредусмотрительностью, а отчасти краткостью сезона лѣтняго промысла рыбъ и птицъ.

При всемъ усердіи первобытнаго промышленника трудно тамъ ему за короткое время лѣтнихъ и осеннихъ промысловъ запасті пищу на весь годъ, особенно съ тѣми орудіями, которыя имѣются у жителей колымской тундры.

льтомъ рѣдко у кого есть порядочная сѣть, а зимой нечѣмъ долбить толстый ледъ, чтобы сдѣлать прорубь. Трудно найти на тундрѣ желѣзное кайло, и сажен-ный ледъ колоть топоромъ, или ножами. Надо еще замѣтить, что люди, питаю-щіеся главнымъ образомъ хлѣбной и другой растительной пищей, не могутъ имѣть яснаго представленія о томъ громадномъ количествѣ рыбы или мяса, кото-рое потребно для годового прокормленія семьи, питающейся исключительно живот-ной пищей. Яѣмъ весьма мало, но когда отсутствовала другая пища, мнѣ нужно было 5 фунтовъ рыбы въ день, чтобы не чувствовалась пустота въ желудкѣ.

Такимъ образомъ по отношенію къ питанію тундренный годъ можно раз-дѣлить на сытые и голодные сезоны.

Первые бываютъ лѣтомъ во время хода рыбы въ рѣкахъ, осенью во время ся нереста въ озерахъ, а весной, если есть дикие олени. Но оба рода промысла подвержены колебаніямъ и случайностямъ. Нерѣдко бываетъ, что сейчасъ за рѣкоставомъ запасная рыба кончается и начинается недоѣданіе. Въ зимнее же время, когда подъ толщей льдовъ рыба скрывается въ ямахъ озеръ или она уплываетъ изъ рѣкъ въ океанъ, наступающій голодъ заставляетъ тѣ или другія бѣдныя семейства уйти къ востоку отъ Колымы, или въ Индигирскую сторону, или на самой тундрѣ ходить за чукотскими лагерями въ качествѣ приживаль-щиковъ, пользующихся подачками и отбросами отъ чукочъ. Отношенія между бога-тыми оленеводомъ чукчей и окружающимъ его станъ голоднымъ бродячимъ лю-домъ весьма любопытны. Примитивный оленеводъ,—чукча считаетъ себя обязан-нымъ кормить голодныхъ людей, точно духъ покровитель стада даетъ его хо-зяину не въ полную собственность, а только въ завѣдываніе, для общей пользы, а бродячій тунгусо-юкарий смотритъ на себя, какъ на пайщика въ чукотскомъ стадѣ.

Впрочемъ къ этимъ первобытно-филантропическимъ отношеніямъ примѣ-шиваются еще обмѣнно-торговыя сношенія. Богатый чукча является не только кормильцемъ бѣдныхъ людей, но и торговцемъ-посредникомъ между настоящимъ купцомъ и промышленникомъ и получаетъ отъ своихъ клиентовъ песцовыя шкуры въ обмѣнъ за «ѣдѣмыхъ», какъ говорятъ на Колымѣ, оленей. Разсчеты этого обмѣна бываютъ довольно запутаны, но въ общемъ за одного оленя считаются 2-хъ песцовъ *). Песцовыи промыселъ и въ извѣстной степени нахожденіе ма-монтовой кости даетъ бродячимъ людямъ тундры также средство для пріобрѣ-тенія русскихъ привозныхъ товаровъ, главнымъ образомъ кирпичнаго чаю и табаку, платковъ, бисеру, желѣзныхъ вещей, наконецъ водки. Мамонтовую кость находятъ лѣтомъ въ обвалахъ земляныхъ береговъ озеръ. Обыкновенно ее ищутъ артелями и на каждого пайщика можетъ выйти 1—2 пуда кости. Оцѣниваютъ кость отъ 12 до 25 руб. за пудъ. Песцовъ хороший промышленникъ добываетъ

*) Какъ въ Верхнеколымской части округа роль монетной единицы играетъ бѣдчная шкурка, такъ на тундрѣ обращается песцовая шкурка.

отъ 10 до 20 въ годъ и шкурка при обмѣнѣ оцѣнивается отъ 1 до 2 руб. Промышленникъ можетъ такимъ образомъ имѣть отъ 50 до 60 руб. въ годъ. Но если принять во вниманіе обмѣнныя цѣны—1 ф. табаку цѣной у нась 7 к., засчитывается въ 1 руб., 30-ти копеечный топоръ—въ 3 рубля и т. д.—то покупательная способность охотника будетъ ничтожна и привитыя ему какъ вредныя, такъ и полезныя культурныя потребности остаются почти неудовлетворенными.

Главный обмѣнъ между тундренными людьми и русскими и якутскими торговцами производится на ярмаркѣ на Дулбѣ. Это мѣсто на тундрѣ между рр. Б. Чукочьей и Колымой. Туда въ октябрѣ мѣсяцѣ прикочевываютъ бродячіе роды, прїѣзжаютъ торговцы для обмѣна, исправникъ для полученія ясака и походный священникъ для совершенія требъ. Я не буду распространяться о характерѣ мѣновыхъ сношеній. Больѣе или менѣе они известны. Они основаны на кредитѣ, на переходѣ долговыхъ обязательствъ по наслѣдству, такъ что каждый

Зимняя ураса у края лѣсовъ семьи князца 1-го Алазейского юкагирского рода и его отца.
Направо—женщины, налево—мужчины съ луками и стрѣлами.

инородецъ является на свѣтъ съ готовымъ дефицитомъ, на произволѣ въ разсчетахъ и чудовищныхъ процентахъ за отсрочки платежей. Если напр. ктонибудь не доставилъ на ярмарку 10 песцовъ согласно обязательству, то къ будущей ярмаркѣ онъ долженъ доставить 15, т. е. прибавляется 50%. Въ денежныхъ займахъ процентъ доходитъ до 100. Часто случается, что небольшой рублевый ясакъ, уплачиваемый, по обыкновенію, путемъ займа, выростаетъ, проходя черезъ рядъ отсрочекъ и мѣновыхъ разсчетовъ, въ стоимость полугодового промысла.

Для иллюстрации мѣновыхъ отношеній я расскажу объ одной характерной сдѣлкѣ, имѣвшей мѣсто на тундрѣ передъ самыи моимъ прѣздомъ туда. Въ томъ году повезло семейству князца I-го алазейского рода. У князца есть еще два брата—лучшіе промышленники на тундрѣ и старикъ отецъ. Это самое почетное и богатое семейство на тундрѣ. Богатство ихъ заключается въ оленяхъ—у князца вмѣстѣ съ отцемъ ихъ около 100, затѣмъ въ числѣ и качествѣ промышленниковъ и наконецъ въ количествѣ наследственныхъ и благопріобрѣтенныхъ долговъ. Степень задолженности тоже служить мѣриломъ

Жена и сестра
(ламутка)
Князца 1-го Алазейского юкагирского рода.

для представенія о богатомъ человѣкѣ. Около урасы князца, который самъ не рѣдко сидитъ безъ чаю и табаку, всегда всетаки ютиится нѣсколько урасъ болѣе бѣдныхъ родовичей. Въ 1896 году выпало его семейству особое счастье. Братья его вырыли мамонтовый клыкъ въ 6 пуд. Такой вѣсъ чрезвычайно рѣдко попадается. Обыкновенно крупнымъ уже считается трехпудовый клыкъ. Чѣмъ крупнѣе клыкъ, тѣмъ онъ дороже. За особенно большой клыкъ купцы даютъ по 30 р.

съ пуда. Вѣсть обѣ этой находкѣ скоро распространилась по всему округу. Старика, отца князя, различные торговцы соблазняли самыми выгодными предложеніями для мѣны, но вѣрный своему постоянному заимодавцу, одноку разбогатѣвшему торговлей среднеколымскому казаку, онъ выждалъ его прѣзыва на тундру. Чтобы устранить сразу всѣхъ конкурентовъ, послѣдній, не упоминая о долгахъ, предложилъ за кость наличные деньги, товаръ, который весьма дорого цѣнится въ округѣ. Въ виду наличности сдѣлки и старыхъ сношеній сошлись на 100 руб. Получивъ такую кучу денегъ, старый юкагиръ былъ въ восторгѣ. Онъ мечталъ уже о дешевой покупкѣ на деньги чаю и табаку, обѣ уплатѣ за всѣхъ родовичей ясаку и о полученіи взамѣнъ этого съ послѣднихъ съ выгодой для себя пescовъ. Послѣ угощенія водкой торговецъ рѣшилъ, что деньги ему нужно получить обратно и началъ въ искусной рѣчи излагать хозяину, какъ онъ, купецъ, всегда вѣрилъ ему, всегда былъ добръ къ нему, никогда не отказывалъ ему въ кредитѣ, всегда откладывалъ платежи; напомнилъ ему, какъ онъ обѣщалъ не разъ заплатить осенюю часть долга и такъ какъ онъ теперь имѣеть

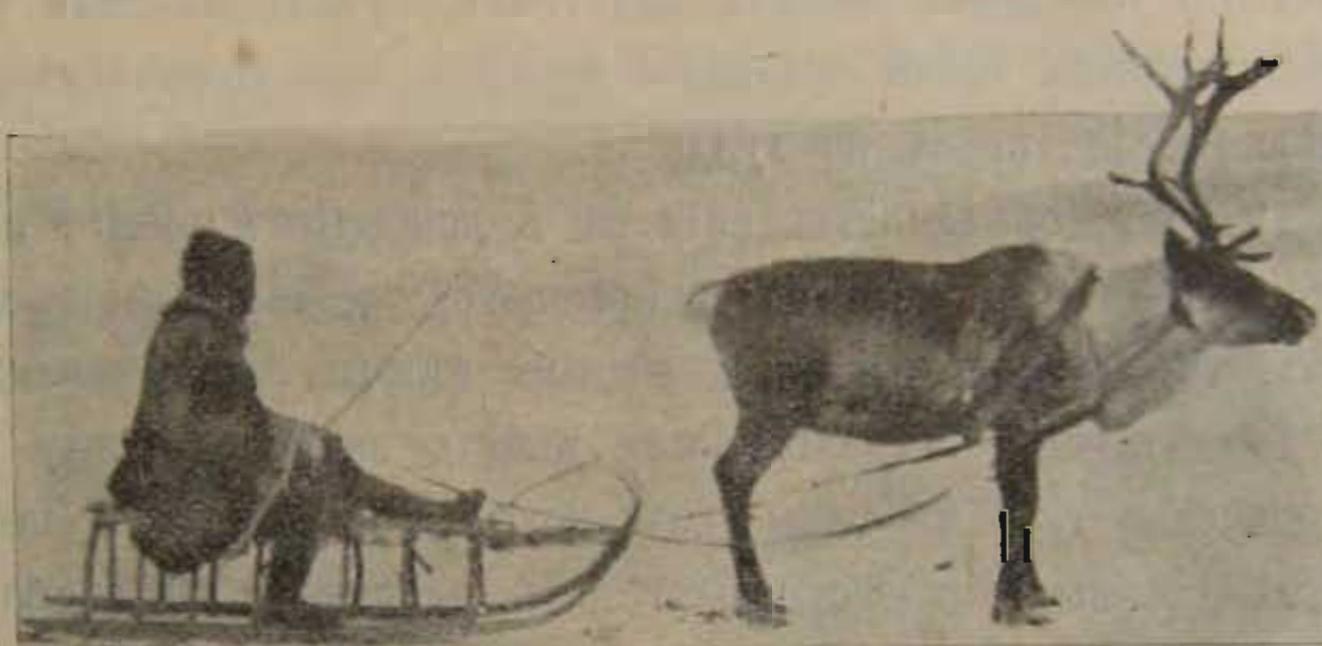

Средній братъ Князца. Жена Князца (ламутка). Князецъ 1-го Алазейского юкагирского рода.

деньги, то долженъ исполнить обѣщаніе. Стариkъ чувствовалъ, что тутъ кроется какая то крупная несправедливость, но всѣ слова купца онъ долженъ былъ подтвердить, ибо такъ оно и было. На возраженія, чѣмъ онъ заплатить ясакъ, торговецъ отвѣтилъ, что онъ никогда не отказывалъ его родовичамъ въ деньгахъ, пусть они къ нему обратятся. Въ концѣ концовъ купецъ получилъ 90 руб., но далъ юкагиру на 200 руб. товаровъ въ кредитъ, а его родовичамъ раздать

подъ промысел будущаго года мелкія суммы денегъ для платежа ясаку, на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ.

Кромѣ вѣшняго обмѣна еще производится на тундрѣ внутренній обмѣнъ, по приобрѣтенію предметовъ не привознаго, а мѣстнаго происхожденія. Такъ напр. привозятъ изъ лѣсной полосы на ярмарку березовое дерево для полозьевъ и копыльевъ нарты, основные доски для членковъ и лиственничную сѣру для заливанія швовъ членка; чукчи привозятъ оленьи жилы на нитки, тюленьи и моржевые ремни для связыванія частей нарты; якуты — коровыи ремни и конскій хвостовый волосъ на сѣти, чаще всего готовыя сѣти. Въ обмѣнъ на эти вещи идетъ пушнина, оленьи шкуры, оленье мясо, рыба, дичь, мамонтовая кость и даже тундреная моронка, которую доставляютъ русскимъ въ Средне-колымскъ.

Тундреный тунгусъ на бѣговыхъ санкахъ.

Послѣ ярмарки на Дулбѣ, съ наступленіемъ морозовъ и времени отсутствія солица тунгусо-юкагиры спускаются съ тундры на югъ, въ притундренную полосу края лѣсовъ, где они соприкасаются съ зимниками-лортами полярныхъ якутовъ. Тамъ они ставятъ свои кожаныя урасы и самое сѣверное дерево — лиственница доставляется имъ топливо для очага и иѣсколько защищаетъ отъ снѣжныхъ заносовъ и отъ вѣтровъ, столь безпощадныхъ на тундрѣ во время жестокихъ морозовъ. Но несмотря на постоянно поддерживаемый огонь, температура въ кожаномъ домѣ съ дымовымъ отверстиемъ немногимъ выше, чѣмъ на дворѣ. Впрочемъ за исключеніемъ стариковъ обитатели урасы проводятъ большую часть дня и даже ночи на морозѣ. Защита оленей (для чего иѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ) отъ изобилующихъ на краю лѣсовъ волковъ требуетъ постояннаго надзора за ними со стороны молодыхъ людей; женщины и подростки ставятъ зимой петли на курватокъ, рубятъ и возятъ дрова, охотники ищутъ песцовъ и дикихъ оленей. Такъ проводятъ они время въ зѣзу, пока еще есть запасы пищи отъ осеннаго рыбнаго промысла. Часто приходится зимой сѣсть весь приплодъ, обмѣнять ъздовыхъ оленей у чукочъ на єдемыхъ или, если чукчей нѣть вблизи, сѣсть свои перевозочные средства и остаться пѣшими.

Въ апрѣль мѣсяцѣ, когда полярная весна возбуждаетъ новыя надежды и вызываетъ заснувшій край къ новой жизни, тунгусо-юкагиры оставляютъ лѣса и начинаютъ двигаться на сѣверъ въ голую и глухую тундру. Бѣдные люди еще раньше уходятъ на сѣверъ, чтобы раздобыть пищу у чукачъ на морскомъ берегу. Еще стоять 20 и даже 30-ти градусные морозы, но это уже считается теплымъ временемъ. Солнце уже большую часть дня стоять надъ горизонтомъ, и непосредственный свѣтъ его лучей въ соединеніи съ ихъ яркимъ отраженіемъ на необозримомъ снѣжномъ покровѣ вызываетъ явленіе, хорошо знакомое альпійскимъ путешественникамъ и известное подъ именемъ снѣжной слѣпоты. Глаза инородца довольно хорошо переносятъ этотъ ослѣпительный блескъ. Впрочемъ и они употребляютъ различного рода окуляры въ видѣ сѣтокъ изъ чернаго конскаго волоса, металлическихъ пластинокъ или просто кусочковъ березовой коры съ узенькими щелями для глазъ, уменьшающими силу свѣта. Время это представляется собой полярную весну и если промыселъ оленей удаченъ, это самое веселое время на тундрѣ.

Въ началѣ іюня, съ таяніемъ снѣговъ и вскрытиемъ рѣкъ и озеръ, сразу наступаетъ полярное лѣто. Тундра покрывается зеленовато-серымъ ковромъ травъ и мховъ, но съ моря дуютъ холодные вѣтры съ туманами, такъ что тундреннымъ людямъ нѣтъ необходимости менять зимнюю одежду на лѣтнюю. Они и лѣтомъ носятъ свои кафтаны изъ мохнатыхъ оленыхъ шкуръ, въ то время, какъ верхнеколымскіе юкагиры лѣтомъ одѣваются въ одежду изъ тонкой хорошо выдѣланной замши. Все лѣто тунгусо-юкагиры проводятъ далеко за краемъ лѣсовъ, но на 100—200 верстъ не доходятъ до океана. Какъ и колымскіе юкагиры, это не морскіе *) люди и съ морскими промыслами они не знакомы. Они промышляютъ рыбу въ нижнемъ теченіи Алазеи и Б. Чукочей и на озерахъ. Тамъ для топлива попадаются уже только ползучіе кустарники; иной разъ, чтобы имѣть возможность вскипятить чай, приходитсяѣхать къ морскому берегу за плавникомъ, жечь запасныя жерди урасы или старую нарту. Хотя комаровъ на сѣверной тундрѣ меньше, чѣмъ въ лѣсахъ, но они достаточно мучать людей и животныхъ. Чтобы избавиться отъ нихъ, разводятъ дымокуры изъ торфяныхъ кочекъ. Но въ смыслѣ питанія короткое лѣто является самымъ лучшимъ временемъ года. Такъ живутъ тунгусо-юкагиры до наступленія зимы. Потомъ они снова спускаются на югъ, въ зону лѣсовъ.

Изъ краткаго обзора матеріального быта тундренныхъ родовъ достаточно явствуетъ, насколько онъ является смѣшаннымъ, тунгусо-юкагирскимъ или оленно-рыболовческимъ, но не мѣшаетъ указать еще на иѣкоторыя особенности этого быта. Тундренные люди употребляютъ оленя, какъ въ упряжи, такъ и подъ сѣдломъ, въ то время какъ горные ламуты єздятъ только верхомъ, а чуки только на нартѣ. Нарта тундренная чукотскаго типа. Ураса же тундренная чисто тунгуз-

*) Здѣсь и слово морской употреблено не въ локальномъ, а въ настоящемъ его значеніи.

скай. Она состоит изъ нижней цилиндрической части, и верхней—конической. Ни чукчи, ни верхнеколымские юкагиры таковой не ставятъ.

Еще болѣе любопытный материалъ для сужденія о смѣшаніи на тундрѣ различныхъ племенныхъ элементовъ даютъ обычай при сватовствѣ и бракѣ.

Положеніе дѣвушки въ семье до замужества одинаково какъ у тундреныхъ родовъ, такъ и у верхнеколымскихъ юкагировъ. Название для дѣвушки въ языке есть «Мархил», но оно не связано съ понятіемъ о невинности, а со свободой располагать собой. Дѣвушка, достигшая зрѣлаго возраста, получаетъ въ урасѣ отдельный пологъ (палатка), и прѣзжій, ночуя въ урасѣ, не лишенъ права расчитывать на благосклонность свободныхъ отъ брачныхъ узъ особъ. Древне-юкагирскій обычай предписывалъ класть гостей на дѣвичью постель. Это была добрачная поліандрія.

Тундренный юкагиръ старикъ Ягловский готовить для меня съ женой дорожный чукотскій зимний пологъ изъ мохнатыхъ инкуръ.

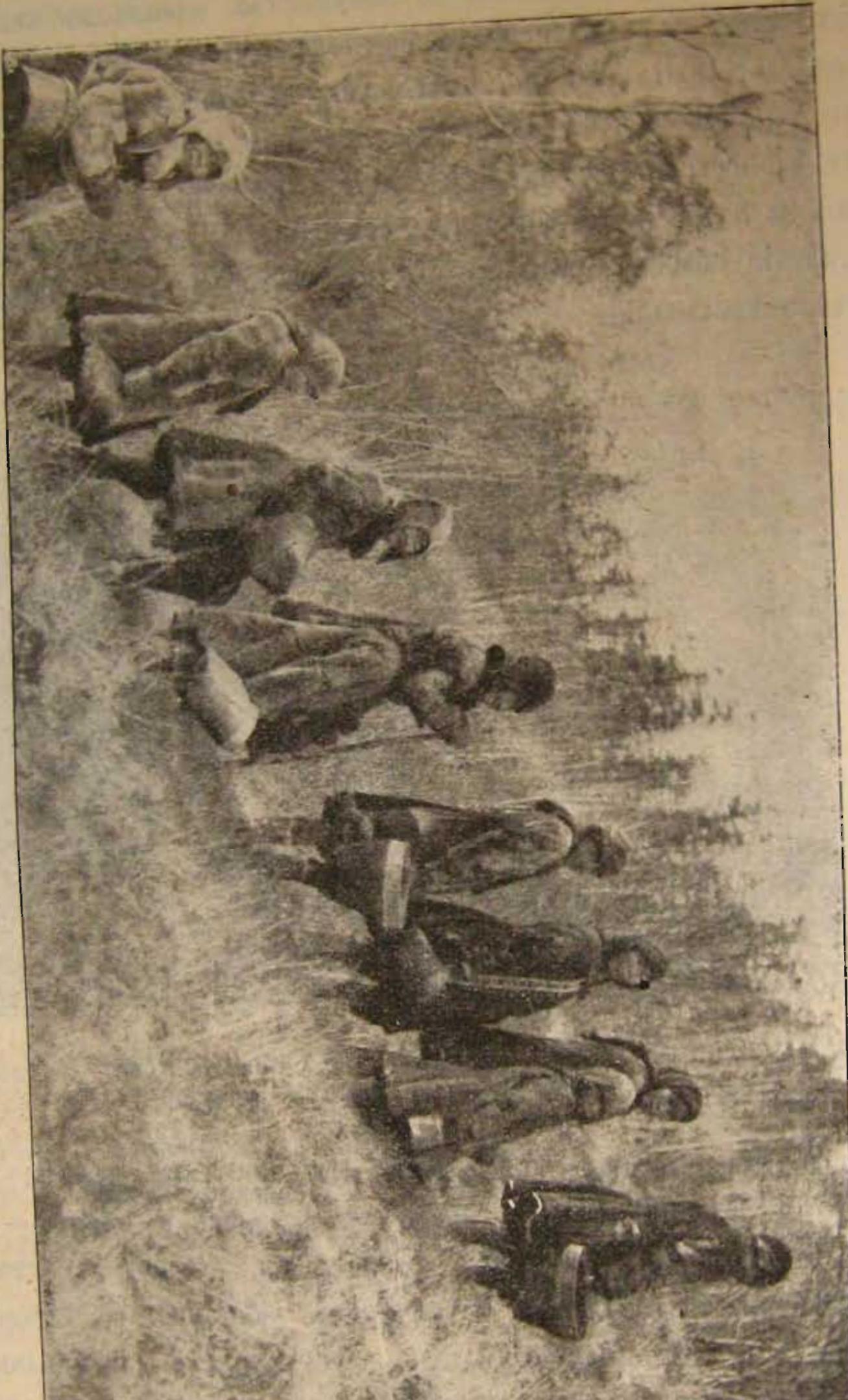
Мой переводчикъ юкагиръ Долгановъ разъ при мнѣ спросилъ у старика, хозяина урасы на Коркодонѣ, у которого мы остались почевать:— «Дѣдъ, гдѣ я спать буду?» и послѣдній отвѣтилъ: «ложись съ дѣтьми». У старика были двѣ дочери дѣвушки. Въ сказкахъ встрѣчаются разсказы, въ которыхъ глава семьи указываетъ, на чью именно постель лечь—старшей или младшей. Замѣчу, впрочемъ, что на р. Ясачной жена князца на мои разспросы по этому поводу отвѣтила, что умная дѣвушка не снимаетъ передника, если не любить гостя.

Внутри рода отношенія между полами таковы, что юноши рѣдко проводятъ ночь дома. Свободные отношенія имѣютъ мѣсто среди самыхъ близкихъ родственниковъ, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, несмотря на запрещенія священниковъ ^{*)}), и что еще болѣе удивительно, по обычаю, родные, двоюрод-

^{*)} Юкагиры все православные.

ные, троюродные и т. д. братья и сестры, т. е. каждое данное поколение группы, связанный кровным родством, не должны между собой разговаривать.

Замѣчу мимоходомъ, что юкагирская система родства вполнѣ похожа на системы родства американскихъ индѣйцевъ, приведенные Морганомъ. Старшій

Верхне-камчатскій юкагиръ отправляется по ягоды.

брать матери называется дѣдомъ, а старшій братъ отца называется «большимъ отцемъ». Не смотря на эндогамический характеръ брака, обычай не говорить между собой распространяется въ системѣ родства на три группы родственниковъ. Первая группа погольнѣ обнимаетъ отца, мать, и старшихъ братьевъ женщины по отношенію къ ея мужу и обратно. Вторая группа ніальнѣ обнимаетъ отца, мать, старшихъ братьевъ мужчины по отношенію къ его женѣ и обратно. Третью группу ёмджапул составляютъ братья и сестры въ прямой, т. е. родные, и

во всѣхъ боковыхъ линіяхъ т. е. все данное поколѣніе рода *). Этотъ обычай называется нехіінчі — «взаимно стѣсняются» и очевидно предупреждать половые сношения среди извѣстныхъ степеней родства, а между тѣмъ сожительство двоюродныхъ братьевъ и сестеръ не считается за грѣхъ. Интересную юкагирскую семью я видѣлъ на р. Коркодонъ. Эта самая большая и уважаемая семья. Мужъ и жена — двоюродные братъ и сестра, старики 70—75 лѣтъ. Они говорятъ между собою во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Дѣти считаются незаконными. Старикъ много разъ обращался съ просьбой, чтобы его обвенчали. Когда я готовился въ 1896 г.ѣхать съ р. Ясачной на р. Коркодонъ, старикъ этотъ, по приказанію верхнекамыжского священника, долженъ былъ оставить семью и жить на р. Ясачной у чужихъ. Но, за отсутствіемъ другихъ опытныхъ проводниковъ, я долженъ былъ его взять съ собой и такимъ образомъ онъ могъ увидѣться со своей семьей.

На тундрѣ тѣ же самыя отношенія къ дѣвушкѣ, какъ въ верховьяхъ р. Колымы.

Весьма характерный отвѣтъ я получилъ отъ одного старика Бетильскаго рода, имѣющаго взрослыхъ дочерей, на мой вопросъ, какъ они смотрятъ на свободныя сношения молодыхъ людей. «Это не считаемъ за грѣхъ, сказалъ онъ, отецъ дѣвушки не сердится, ибо она сама согласилась. Если парень не нравится отцу, то онъ про себя будетъ недоволенъ, замужъ не дастъ, но ничего не скажетъ, не станетъ ругаться, чтобы дитя свое не конфузить». Вообще родители и др. родственники дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ночныхъ посѣщеній полога дѣвушки молодыми людьми. Но свобода дѣвушки не исключаетъ съ ея стороны предпочтенія того или другого лица, т. е. настоящей любви. Такая связь кончается бракомъ, если роднѣ невѣсты нравится женихъ. Женихъ разумѣется является посѣтителемъ полога невѣсты задолго до начала сватовства. Это — періодъ испытанія, насколько прочна привязанность молодыхъ людей. Неофиціальное положеніе жениха весьма часто легализуется услугами и подарками, которые онъ доставляетъ отцу или другимъ старшимъ родственникамъ невѣсты. Женихъ дровъ привезетъ или доставить результатъ своего промысла: рыбу, оленя, песца и т. д., и отецъ невѣсты принимаетъ приношенія молча, не показывая никакого вида, что онъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Такія услуги разматриваются на тундрѣ, какъ начало выкупа (уоленгъ — цѣна) и называются ханджай, а у юкагировъ, какъ начало отработки (эймэ). Эти услуги впрочемъ ни къ чemu не обязываютъ обѣ стороны. Завязанныя отношенія могутъ прекратиться безъ всякаго ущерба для чести невѣсты. Благоволеніе же отца невѣсты къ услугамъ жениха разматривается, какъ моментъ благопріятный для начала сватовства.

Начиная съ сватовства и кончая свадьбой, мы уже видимъ въ обычаяхъ тундренныхъ родовъ рядомъ съ юкагирскими и тунгускіе обычаи, значительно

*) Полную таблицу системы родства юкагировъ на обоихъ нарѣчіяхъ я помѣстилъ въ печатающихся материалахъ по юкагирскому языку и фольклору. См. прим. стр. 2.

измѣняющіе архаический строй юкагирскихъ семейныхъ отношеній. Для удобства сравненія я предварительно приведу главные моменты въ юкагирскомъ сватовствѣ и бракѣ.

Согласно преданіямъ, надо думать, что сватовство у юкагировъ есть институтъ позднѣйшаго времени, заимствованный у пришлыхъ племенъ, пріобрѣтающихъ певѣсту куплей, а также у русскихъ. Въ старину, разсказываютъ,

Чукча съ женой юкагиркой въ чукотскомъ костюмѣ.

молодой человѣкъ устраивалъ свои дѣла безъ чьего либо посредства. Женихъ или скорѣе супругъ-экстернъ, желая сдѣлаться супругомъ-интерномъ, три дня кололъ дрова передъ урасой тестя, накладывая кучу выше его жилища. На четвертый день послѣдній начиналъ пользоваться дровами, если желалъ принять зятя. Тогда женихъ ночью, какъ обыкновенно, приходилъ въ пологъ невѣсты, но приносилъ уже съ собой свой лукъ и колчанъ со стрѣлами, ставилъ ихъ на видномъ мѣстѣ и утромъ оставался въ домѣ тестя, точно старый членъ. Такимъ образомъ юкагирскій бракъ отличается полнымъ отсутствиемъ какихъ либо свадебныхъ церемоній; я конечно не говорю о церковномъ обрядѣ, совершающемся post factum. И теперь женихъ, сватовство котораго принято, является

почью къ невѣстѣ и утромъ остается у тестя, ничего не принося съ собой, кроиѣ одного кремневаго ружья, ибо говорять юкагиры, онъ приходить на «готовое ложе». Онь у жены находить также новый постюжъ, ѿ для него спитый. Любопытно также, что рыболовныя снасти должны быть у невѣсты, хотя сѣти ставятъ мушки. Только охотничье оружіе приносить женихъ. Но со дnia вступленія въ домъ невѣсты ея отецъ или старшій братъ перестаютъ обращаться къ зятю прямо, а во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Въ такой формѣ старикъ говоритъ: «На такой то рѣкѣ ловушки не насторожены», ни къ кому не обращаясь, и зять идетъ ихъ сторожить или тесть скажетъ: «Сѣти надо бы посмотреть», и зять идетъ смотрѣть сѣти.

Изъ записаннаго мной на р. Ясачной образца юкагирскаго сватовства, я укажу наиболѣе интересныя мѣста. Сватовство рѣдко кончается въ одинъ день. Сватъ обыкновенно много разъ ходить и уходить съ отвѣтомъ отца невѣсты или старшаго брата, чтобы «ихъ такими рѣчами не встрѣчали». Бываетъ, что родни невѣсты тянетъ иѣсколько лѣтъ, испытывая солидность привязанности жениха или его усердіе на охотѣ, или просто по капризу, потому что такъ принято. Въ первый разъ сватъ, предлагая союзъ, отъ имени родныхъ жениха просить родню невѣсты сидѣть «у тепла одного очага». Самое характерное и интересное мѣсто въ рѣчахъ свата—слѣдующія слова его, обращенные къ родителямъ невѣсты послѣ ихъ обычнаго первоначального отказа: «Отецъ—мать! моего юношу-сироту къ огню вашего очага отчего не пускастѣ?» въ каковыхъ словахъ выражается просьба пріобщить жениха къ культу предковъ семьи невѣсты, культу чрезвычайно развитому у юкагировъ. Затѣмъ интересенъ отвѣтъ на это отца невѣсты: «мои люди, мой родни какія слова изрекутъ, я не знаю», указывающій на участіе всего рода въ решеніи вопроса, принять ли въ домъ зятя. Наконецъ, отецъ невѣсты даетъ согласіе, но ставить условіе, что женихъ во всю жизнь не долженъ оставлять его дома. Вообще поселеніе жениха въ домъ тестя является правиломъ, но и теперь и въ старину бывали исключенія. Напр., если въ семье и безъ зятя достаточно мужчинъ промышленниковъ, то по истеченіи иѣсколькихъ лѣтъ его отпускаютъ съ женой въ его родъ, или двѣ семьи, по соглашенію, меняются девушками, вместо того, чтобы зятя переходили изъ дома въ домъ.

Обратившись къ сватовству и браку тундренныхъ родовъ, мы увидимъ, насколько въ нихъ тунгускій элементъ уже смѣшанъ съ юкагирскимъ. Какъ изъ верхнеколымскаго сватовства, я и изъ записаннаго мной текста сватовства изъ

Тундровныя тунгуски
въ тунгускомъ костюмѣ.

и чукотскомъ
костюмѣ.

тундрѣ обращу вниманіе на самыя интересныя мѣста. Женихъ былъ богатый старикъ вдовецъ, а невѣста молодая дѣвушка, любившая уже одного бѣднаго юношу. Это была цѣлая драма. Ее не заставляли выходить за старика, но было оказано нравственное давленіе такъ же тонко, какъ у культурныхъ людей, такъ что подчиненіе обычаю и желанію родни подавило голосъ сердца.

Духъ рѣчей свата и родственниковъ невѣсты — говорить о вешахъ не прямо, а намеками и аллегоріями — чисто юкагирскій, но содержаніе ихъ уже иное. Сватъ тоже долго ходилъ, пока получилъ согласіе, хотя родни невѣсты очень желала богатого жениха. На тундрѣ сватъ получаетъ отъ жениха за труды оленя, который называется аримэтунгель, что значитъ «на починку подошвъ», ибо свату иной разъ приходится не одну пару обуви износить, пока получаетъ согласіе.

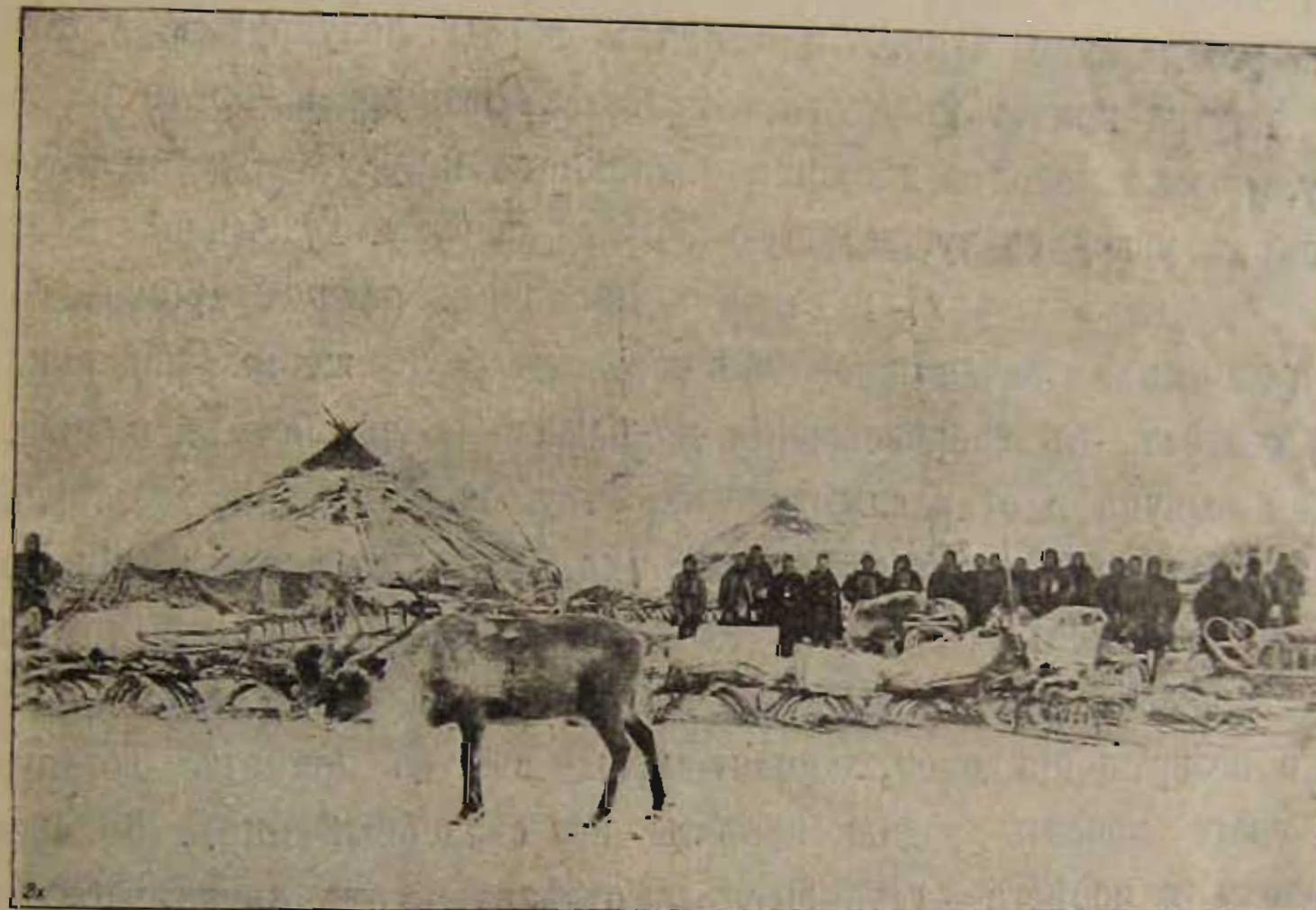
Въ тундренномъ сватовствѣ отсутствуетъ самое существенное изъ юкагирскаго сватовства — обращеніе свата къ роднѣ невѣсты о допущеніи жениха къ огню ихъ очага, ибо не женихъ переходитъ въ домъ невѣсты, а последняя покупается и переходить въ домъ родни жениха т. е. материнскій строй семьи рыболововъ-охотниковъ — юкагировъ перешелъ въ патріархально-родовой — тунгусовъ-оленеводовъ. Чтобы характеръ юкагирскаго матріархата не былъ должно понять, необходимо прибавить, что въ обоихъ типахъ семьи значеніе мужчины почти одинаково. И въ юкагирской семье, въ которой кровное родство ведется по женской линіи, авторитетомъ пользуется, за исключеніемъ хозяйственной сферы, старшій мужчина — дѣдъ или старшій братъ матери. Наконецъ, пришлый зять, причисленный къ семье обрядомъ пріобщенія къ семейному культу, становится домоправителемъ, если въ семье нѣтъ старше его мужчинъ.

Какъ на тунгузское вліяніе, надо также смотрѣть на усиленіе значенія рода въ дѣлѣ отдачи замужъ дѣвушки. Когда сватъ приходитъ, приглашаются всѣ родственники невѣсты, и сватъ обращается не къ однимъ ея родителямъ, а ко всему роду, и согласіе является результатомъ общаго соглашенія всѣхъ родственниковъ. Основой, какъ материнской семьи юкагировъ, такъ и патріархального рода тунгусовъ, одинаково служить кровное родство, въ первой по женской линіи, во второмъ по мужской. Но хотя въ материнской семье кровное родство надежнѣе, патріархальный родъ тѣмъ не менѣе дисциплинированнѣе.

Но вотъ сватъ истощилъ все свое краснорѣчіе и терпѣніе и получаетъ все-таки отказъ; тогда онъ является съ оленемъ и со шкурой лисицы, песца или болѣе цѣннаго мяча и говоритъ, что это онъ даритъ родственникамъ невѣсты, чтобы открыть у нихъ ротъ. Это обычай какъ тунгузскій, такъ и якутскій, но не юкагирскій. Наконецъ сватъ получаетъ согласіе. Тогда начинаются переговоры о количествѣ калымъ, о чёмъ въ собственно-юкагирскомъ сватовствѣ не можетъ быть и рѣчи. Но съ другой стороны, какъ на остатокъ юкагирского семейного строя надо смотрѣть на роль старшаго брата невѣсты, къ которому въ извѣстномъ мнѣ сватовствѣ отецъ обратился за совѣтомъ, и на рѣшающее значеніе словъ матери, сказавшей, чтобы свата больше не

мучили. Кромъ того, какъ пережитокъ обычая перехода жениха въ домъ тестя, рядомъ съ выкупомъ, остался на тундрѣ обычай отслуживания. Обыкновенно невѣста не сейчасъ переходитъ въ семью жениха, а послѣдній послѣ удачнаго исхода сватовства, пѣсколько лѣтъ служить у родныхъ невѣсты. Срокъ службы не бываетъ больше 7 лѣтъ, и тесть довольно зятемъ работникомъ, обыкновенно сбавляетъ количество оленей условленнаго выкупа и увеличиваетъ приданое.

Тундреннаѧ свадьба, т. е. переходъ невѣсты въ домъ родителей, бѣдна обрядами, но, по сравненію съ отсутствіемъ въ юкагирскомъ бракѣ какихъ бы

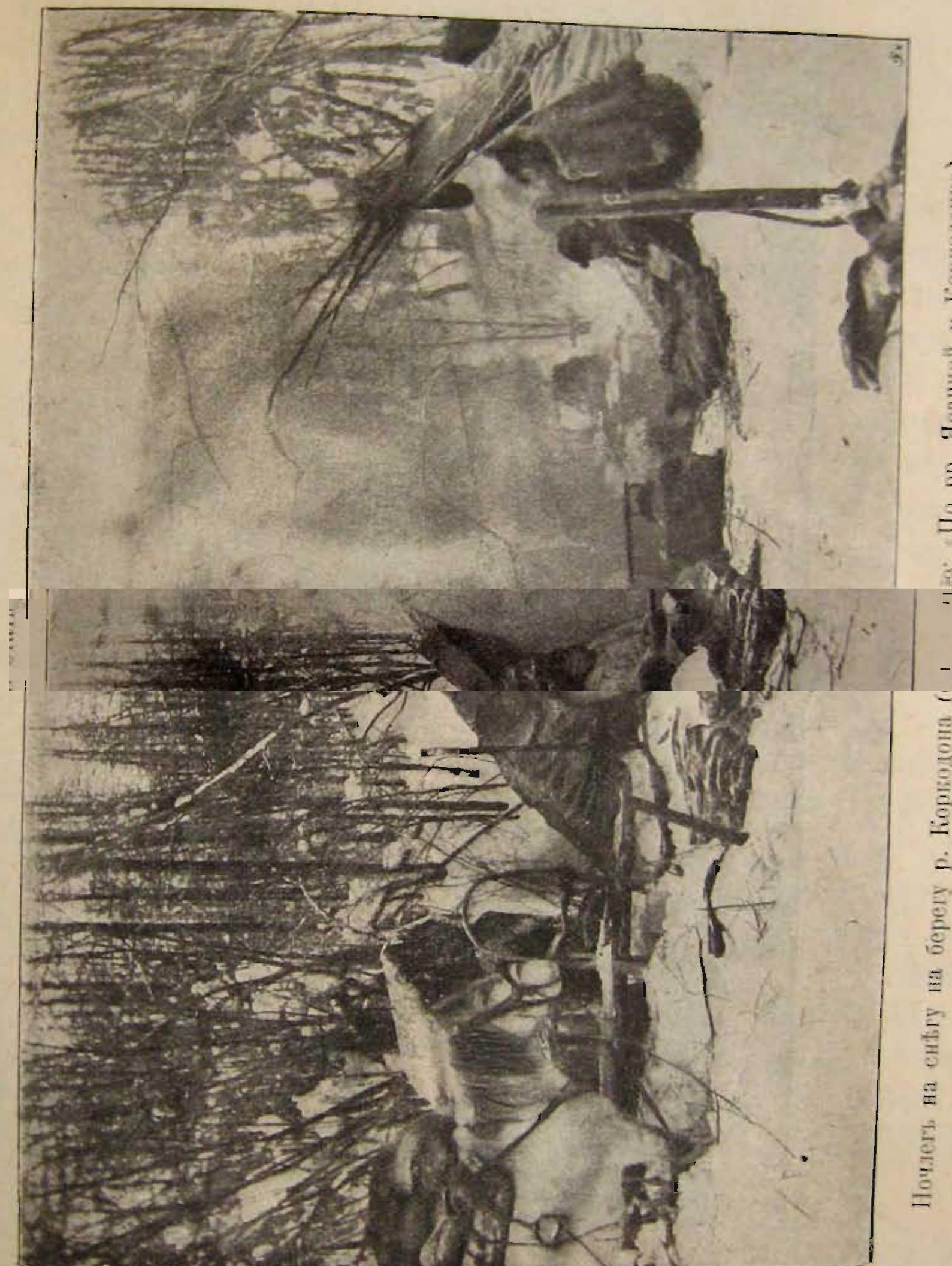
Тундреннаѧ свадьба.

то ни было свадебныхъ празднествъ, она является торжественнымъ моментомъ въ однообразной жизни полярного кочевника. Разумѣется свадебная дѣйствія въ этомъ торжествѣ не юкагирскаго происхожденія. Главнымъ образомъ они принесены тунгусами, но символическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь, при измѣненіи условій брака, потеряло уже всякий смыслъ. Кромѣ того на то или другое дѣйствіе очевидно повліяли съ одной стороны якутскіе, съ другой—чукотскіе обычай. Укажу вкратцѣ на главные моменты свадьбы. Передъ переходомъ невѣсты изъ родительскаго дома въ домъ жениха, родня послѣдняго прикачиваетъ со своимъ стойбищемъ близко къ стойбищу родни невѣсты. За невѣстой отправляется одна только сваха—жена свата. Отецъ невѣсты вмѣстѣ съ другими родственниками тогда ловятъ оленей, назначенныхъ для приданаго и запрягаютъ ихъ въ парты, а женщины укладываютъ на нихъ одежду, хозяйственныя вещи, принадлежности женскихъ работъ и постель. Сверху кладутъ подарки для родственниковъ жениха. Потомъ отецъ невѣсты колетъ оленя, и при переодѣваніи невѣсты, ей мажутъ свѣжей кровью всѣ суставы. Этотъ обрядъ называютъ меріашумъ т. е. вымываніе или помазаніе. Наружно онъ походитъ

на помазаніе невѣсты жертvenною кровью у чукоѣ, но у нихъ это дѣлаютъ въ домѣ родителей жениха, при приемѣ невѣсты, какъ обрядъ пріобщенія ее къ новому семейному культу. Тутъ надо полагать это имѣть значеніе отлученія отъ семейнаго культа родителей. Послѣ этого невѣstu передаютъ въ руки свахи, она сажаетъ ее на первую нарту, къ которой привязаны всѣ остальные и пѣшкомъ уводятъ поѣздъ къ стойбищу жениха. При отправленіи поѣзда, родственники невѣсты стрѣляютъ изъ ружей холостыми зарядами, чтобы пропстрѣлить глаза злыхъ дьяволовъ, и возвращаются въ урасу. Подѣхавъ къ урасѣ родителей жениха, сваха три раза обводитъ по солнцу кругомъ дома поѣздъ, отпускаетъ оленей къ стаду, вымазавъ ихъ рога краской изъ отвара ольховой коры, какъ это дѣлаютъ чукчи, и ставитъ нарты полукругомъ у того мѣста урасы, гдѣ внутри помѣстятъ постель невѣсты. Изъ урасы никто не выходитъ на встрѣчу, только молодая девушка поднимаетъ шкуру, служащую дверью, и пропускаетъ въ урасу сваху, ведущую невѣstu за руку. Тутъ невѣста кланяется всѣмъ родственникамъ жениха и ставитъ на очагъ, какъ будущая его жрица, нѣсколько полѣньевъ, а сваха заносить и раздаетъ роднѣ жениха подарки. Затѣмъ женихъ со сватомъ, въ сопровожденіи молодыхъ людей, берутъ оленей, назначенныхъ для выкупа и отправляются къ отцу невѣсты. Въ доставленіи выкупа участвуютъ всѣ родственники жениха, какъ въ снаряженіи приданаго всѣ родственники невѣсты. Отецъ невѣсты, принявъ выкупъ, раздаетъ по оленю родственникамъ, а остальныхъ пускаетъ въ свое стадо. Женихъ со сватомъ, по возвращеніи домой, заявляютъ, что выкупъ принять. Тогда хозяинъ посыпаетъ свата просить родню невѣсты на свадебный пиръ. Во время прішества женихъ и невѣста отдаляются за отдѣльный отъ другихъ гостей столъ т. е. имъ кладутъ на шкуры, на которыхъ они сидятъ, отдѣльную доску. Послѣ угощенія раздаютъ подарки родственникамъ невѣсты.

При описаніи свататовства я уже указалъ, какое значеніе имѣютъ всѣ кровные родственники въ решеніи вопроса о выдачѣ замужъ. Тоже самое мы замѣчаемъ и въ свадебныхъ обычаяхъ. Какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты всѣ родственники участвуютъ въ доставленіи предметовъ для подарковъ, оленей для выкупа и для приданаго. Это весьма характерный признакъ для общественныхъ отношеній, основанныхъ на единствѣ крови и обнимаемыхъ понятіемъ родового быта. Остальная свадебная дѣйствія ужъ не такъ легко объяснить, и то, что могло бы хоть символически указать на прежний обычай умыканія, приписываемаго тунгусамъ, потерялъ теперь всякой смыслъ, ибо, если раньше у пришлыхъ на тундру тунгусовъ, какъ у другихъ вѣтвей тунгусского племени, преобладалъ экзогамический бракъ, то теперь подъ юкагирскимъ вліяніемъ бракъ сдѣлся преимущественно эндогамическимъ. Значительная часть замужнихъ женщинъ на тундрѣ не только одного рода съ мужемъ, но нерѣдко носить одну и ту же фамилію, что указываетъ на кровное родство. Изъ опроса мной 41 замужнихъ женщинъ Бетильскаго рода оказалось, что 20 изъ нихъ происходить изъ того же рода, а 21 распределены между ламутками, юкагир-

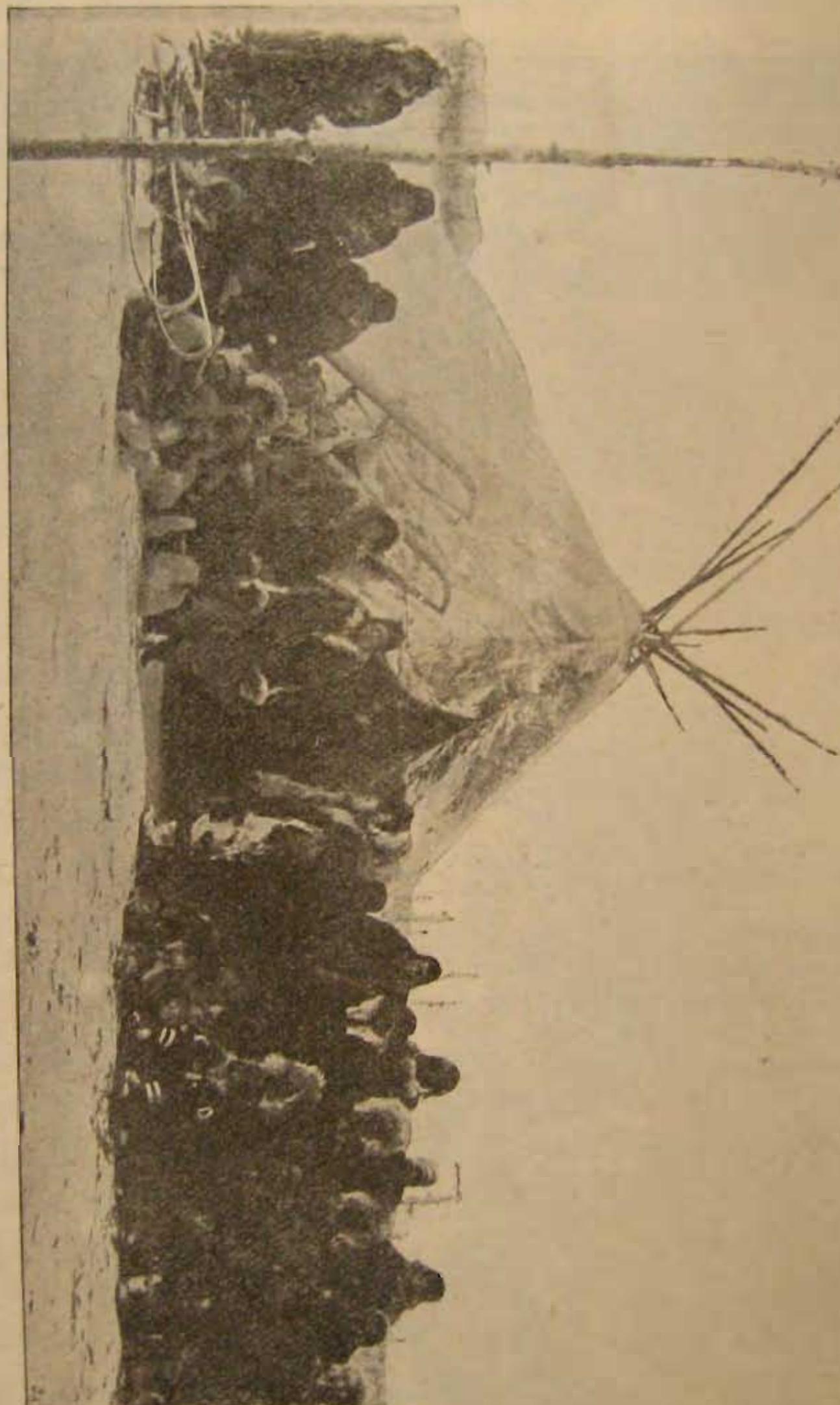
ками и чукчанками. Впрочемъ, только одно свадебное дѣйствіе—обмѣнъ подарками, символически можетъ еще представлять мировую, но мы почти ужъ не видимъ другихъ пережитковъ похищенія. За невѣстой приходитъ одна сваха, а не вооруженный поѣздъ родственниковъ жениха, какъ у якутовъ, родственники невѣсты стрѣляютъ въ злыхъ духовъ, а не въ похитителей, подарки даются

Почтегъ на сибирь на берегу р. Корюдона (по рр. Яланой и Корюдону.)

раньше родственники невѣсты, а калымъ посыдается родней жениха послѣ того, какъ сватьей доставлена имъ невѣста съ приданымъ. Въ якутскомъ бракѣ, въ которомъ есть много слѣдовъ прежняго умыканія, раньше выплачивается калымъ, а потомъ невѣста переходитъ въ домъ жениха. Отдѣленіе же молодыхъ за особый столъ сближаетъ тундренную свадьбу съ якутской, указывая на подчиненную

роль вступающихъ въ бракъ по отношенію къ группѣ лицъ, связанныхъ единстvомъ крови. Калымъ, какъ вознагражденіе за убытки роду невѣсты, тоже фактически не существуетъ, ибо отецъ невѣсты и ея родственники тратятъ обыкновенно на приданое больше, чѣмъ калымъ стоять. Кроме того молодые черезъ годъ послѣ свадьбы обѣзжаютъ родственниковъ невѣсты и получаютъ

Иерченскіе чучки и пль жилище.

назадъ оленей, доставшихся имъ изъ калыма. Этотъ обычай такъ и называется нятыар мэнга т. е. обратно взяли.

Мы видѣли, что во всѣхъ сферахъ тунгусо-юкагирскихъ взаимовлій въ отношеніи къ языку, быту, обычаямъ и т. д. мы имѣемъ два элемента, изъ которыхъ преобладаетъ юкагирскій, только въ физическомъ типѣ и въ брачныхъ обычаяхъ тунгузскій элементъ выступаетъ рѣзче. Объюкагиреніе же полярного

осколка тунгусского племени во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тѣмъ болѣе достойно вниманія, что культура юкагирского племени примитивнѣе, архаичнѣе тунгусской. Если на Ленѣ, Янѣ, въ Туруханскомъ краѣ *) тунгусы ассимилировались съ якутами, то общественная организація и материальная и духовная культура послѣднихъ выше тунгусскихъ, здѣсь же ассимиляція тунгусовъ является пониженіемъ ихъ культурнаго типа.

Что касается религіозныхъ воззрѣй, то скажу только въ общемъ, что, несмотря на сходство шаманскихъ религій вообще, очень легко опознать, что духъ юкагирскихъ вѣрованій взялъ верхъ. Особенно интересенъ кульпъ предковъ, получившій у юкагировъ свое высшее развитіе. Недавнее поклоненіе черепу умершаго представителя рода еще живетъ въ памяти тундренныхъ обитателей. Мало того, даже къ западу отъ Пидигирки, тамъ гдѣ юкагирскіе роды обламутѣли по языку, мы встрѣчаемъ совершенно юкагирскій характеръ вѣрованій.

Даже на р. Янѣ, гдѣ юкагиры успѣли подвергнуться вторичной ассимиляціи, гдѣ они послѣ того какъ обламутились, теперь, вмѣстѣ съ ламутами, вполнѣ ассимилировались съ якутами, еще сохранились преданія о чисто юкагирскомъ кульпъ предковъ. Я записалъ тамъ тѣ же разсказы, какіе мной были записаны въ верховьяхъ Колымы, на 2500—3000 верстъ къ юго-востоку отъ Яны. Согласно этимъ преданіямъ, умершаго шамана или представителя рода анатомировали люди, одѣтые въ маскахъ и перчаткахъ, чтобы лицо ихъ не видѣло тѣла покойнаго и голыя руки не прикасались къ нему, потомъ при помощи крючковъ и костяныхъ ножей они снимали и счищали съ костей мясо. Послѣднее вялили на солнцѣ, чтобы оно не гнило и клади въ гробницы, поставленные на высокихъ деревьяхъ или столбахъ, или вмѣстѣ съ собачими жертвами оставляли въ тальничной урасѣ, а кости дѣлили между всѣми членами рода, носившими ихъ съ собой, какъ амулеты, и вопрошавшими ихъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. Черепъ же получалъ старшій въ родѣ. Поставленному на деревянный чурбанъ и одѣтому въ лучшую одежду, черепу воздавали божескія почести, приносили жертвы и называли хоіль т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ нынѣ называютъ христіанскаго Бога **). Въ устьѣ Яны мнѣ передавали, что тамъ и засушеное мясо покойниковъ носили въ кожаныхъ мѣшочкахъ въ качествѣ амулетовъ. Устьянскій священникъ мнѣ говорилъ, что пѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще нашелъ такой амулетъ у одного омолойскаго юкагира.

*) Я полагаю, что Долгане тоже обламутѣвшіе тунгусы или якуто-тунгусские метисы.

**) Весьма интересно указать на то, что, вскрывая и прешарива покойниковъ, юкагиры сдѣливались хорошими анатомами. Они знали всѣ кости скелета, положеніе внутреннихъ органовъ и въ извѣстной степени ихъ отправленія. Мало того по названіямъ въ языкѣ кровеносныхъ сосудовъ и сердца можно было бы подумать, что, если древніе юкагиры не предупредили открытие Гарвея, то по крайней мѣрѣ имъ было знакомо, что кровь движется по тѣлу и направляется отъ сердца по сосудамъ. Кровеносные сосуды юкагиры называютъ лаин-чутого т. е. кровяными дорогами и артеріями въ отличие отъ венъ называютъ јакун-лапун-чутого, т. е. живая крованая дорога. Сердце же они называютъ чугоджай или чубоджай, что означаетъ—бѣгъ, движение или—и бѣгу, и двигаю. Бьющіяся пульсъ—јуку-чубоджай т. е. маленькое сердце.

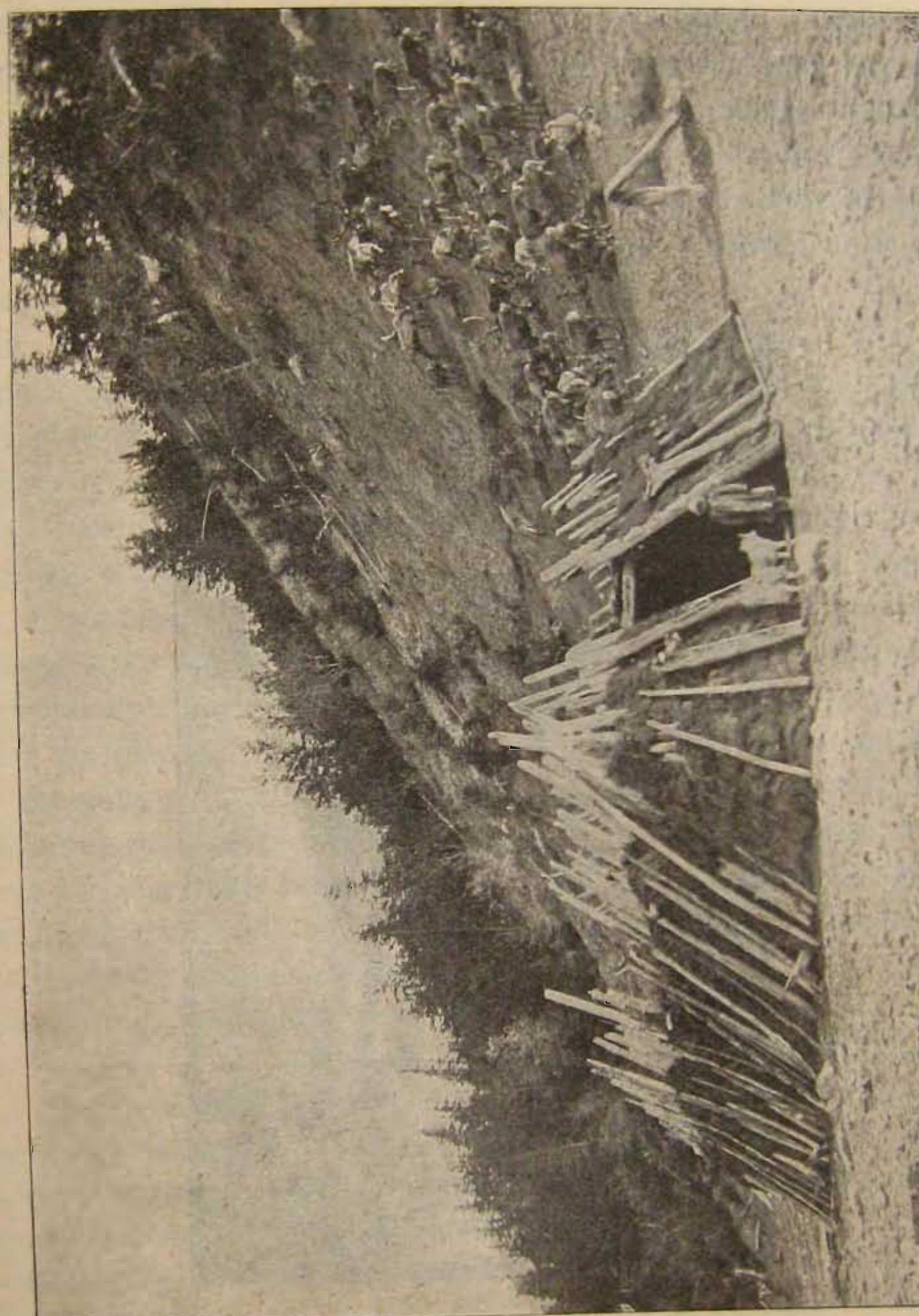
Чтобы закончить свой докладъ о бродячихъ родахъ тундры необходимо, прибавить кое что объ ихъ отношеніяхъ съ одной стороны къ якутамъ, съ другой къ чукчамъ. Духовное вліяніе якутовъ на эти роды выражается въ томъ, что по якутски они всѣ говорятъ, какъ по юкагирски. Въ Якутской области якутскій языкъ является международнымъ языкомъ. Но физически якуты рѣдко смѣшиваются съ тундренными людьми. Въ числѣ замужнихъ женщинъ на тундрѣ я не нашелъ ни одной якутки точно также якуты рѣдко берутъ тундреныхъ девушекъ.

Чукча съ чукчанкой съ восточного берега р. Колымы.

На сѣверѣ Колымского округа якуты, какъ ни жалка ихъ жизнь, все-таки сохранили сознаніе своего культурного превосходства надъ бродячими племенами. Есть нѣсколько примѣровъ, что тундренные бродячие люди поселились въ лѣсу около якутовъ и обзавелись скотомъ, но я не знаю примѣра, чтобы якутъ совершенно вышелъ на тундру—куда между прочимъ отдельные промышленники выходятъ зимой для промысла песцовъ и лѣтомъ—озерныхъ рыбъ,—и зажили бродячей жизнью юкагиро-тунгуса. Обладаніе известнымъ количествомъ оленей, которыхъ нѣкоторые богатые якуты Колымского округа держать для содержанія почтовыхъ станцій, или для перевозки клади купцовъ, нисколько не мѣняетъ ихъ образа жизни. Пастухами къ оленямъ у нихъ служатъ главнымъ образомъ тунгусы. Другое дѣло якуты сѣвера Верхоянского округа между Ини-

дигиркой и Леной. Тамъ они лишились рогатаго скота, сдѣлались оленеводами или, по близости отъ моря, собаководами, но надо замѣтить, что они выработали тамъ своеобразный типъ оленеводства. Вернувшись къ Колымскимъ якутамъ, мы съ другой стороны можемъ утверждать, что не только климатическая условія повліяли на измѣненіе типа хозяйства, сравнительно съ хозяйственнымъ бы-

Хозяйство якута-оленевода въ Читинской р. Лены

томъ южныхъ якутовъ, но что, несмотря на ихъ способность ассимилировать другія племена, сами они не ушли отъ влиянія древнихъ обитателей края, юкагировъ. И ихъ обычай и вѣрованія получили во многихъ отношеніяхъ юкагирскую окраску. Приведу два примѣра. Изъ литературы о якутахъ известенъ экзогамический характеръ ихъ брака, а у притундренныхъ якутовъ, по собран-

нымъ мной даннымъ, большинство браковъ совершаются не только внутри наслега (административная единица, обнимающая большее или меньшее количество родовъ), но и между однофамильцами, чѣдь указываетъ на ихъ кровное родство. Большинство притундренныхъ якутовъ не знало названія рода, отъ котораго они происходятъ. Вопросъ этотъ ихъ теперь уже не интересуетъ. Только по архивнымъ бумагамъ старыхъ ревизскихъ сказокъ, я собралъ свѣдѣнія о количествѣ родовъ въ каждомъ наслегѣ, объ ихъ названіяхъ и о томъ, изъ какого именно рода происходятъ опрошенные мной якуты. Этимъ объясняется, почему г. Сѣрошевскій въ своемъ трудахъ о якутахъ для полярныхъ якутовъ смѣлъ понятіе наслегъ и родъ, отмѣтивъ въ каждомъ наслегѣ только одинъ родъ. Нерѣдки также тамъ сожительства въ такихъ степеняхъ родства, которыхъ не могутъ быть освящены церковью.

Якутки края лѣсовъ въ праздничныхъ костюмахъ.

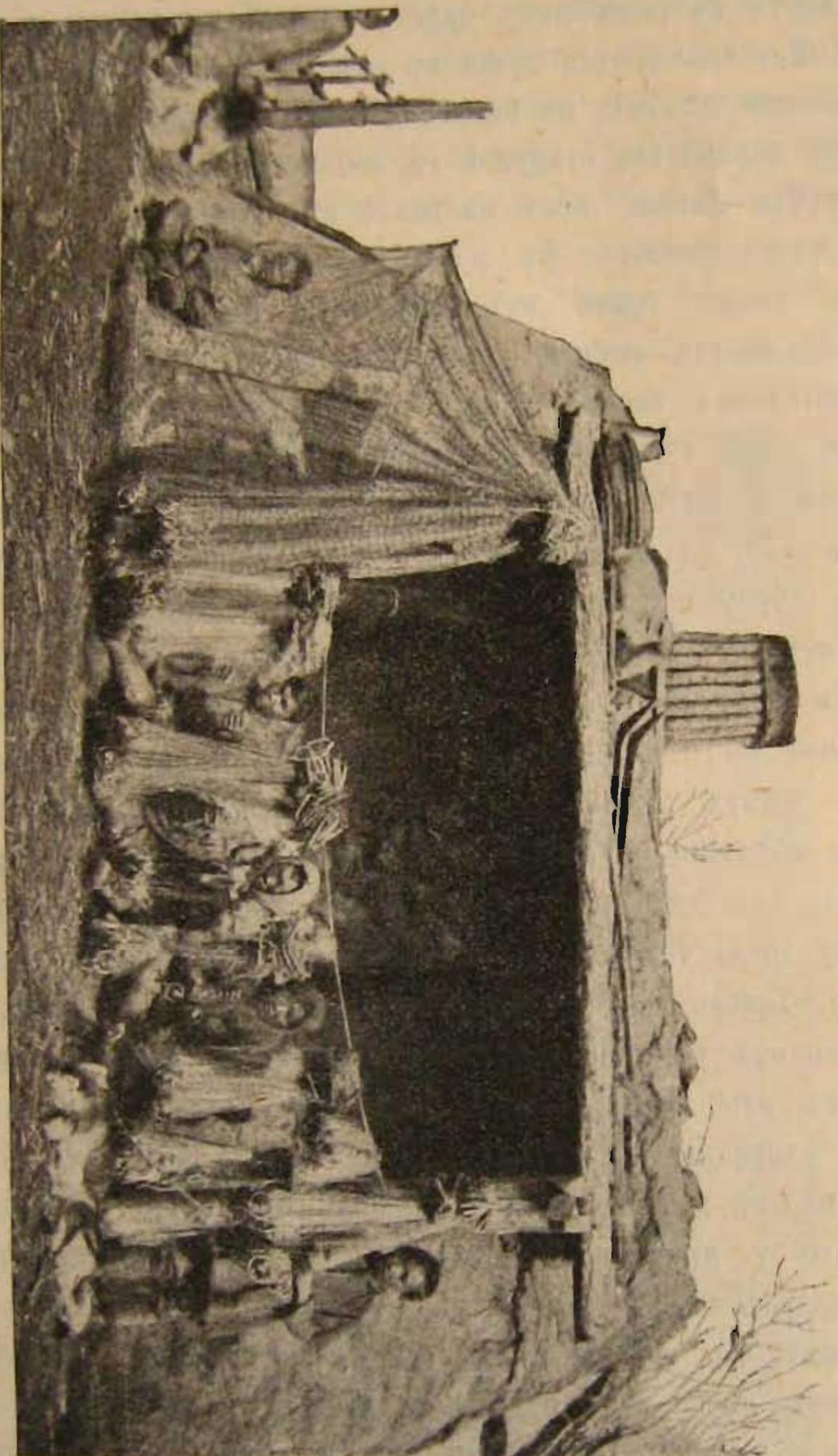
Другой примѣръ возьмемъ изъ религіозныхъ воззрѣній. Въ этнографіи известенъ мрачный характеръ якутской демонологіи. У якутовъ не только различные демоны (абасы) по природѣ єдять людей, причиняютъ имъ болѣзнь и смерть, но и души умершихъ родственниковъ, главнымъ образомъ шамановъ, превращаются послѣ смерти нерѣдко въ демоновъ, именуемыхъ юр'ами, пи-

тающихся человѣческими душами. Поэтому якуты питаютъ такой страхъ передъ всѣмъ тѣмъ, что имѣть отношеніе къ покойнику, и посѣщеніе его духомъ живицъ считается нежелательнымъ и опаснымъ. Другое дѣло у юкагировъ. Ихъ демонологія мягче. Души покойниковъ добрые благодѣтельные геніи для рода. Тѣни предковъ живутъ въ подземномъ царствѣ тѣней (Аїбідзі) настоящей идеальной жизнью. Переправляются души въ царство тѣней черезъ реку, на которой стоитъ готовый членокъ, но безъ лодочника Харона. Только входъ въ подземное царство охраняется старухой съ собачкой. Въ царствѣ тѣней души живутъ родами точно также, какъ на землѣ ихъ живые родственники; тѣни вновь умершихъ присоединяются къ душамъ своихъ предковъ. Тѣни ведутъ такой же образъ жизни, какъ ихъ надземные родственники, но промышляютъ не материальныхъ оленей, лосей и рыбъ, а тѣни послѣднихъ. Тѣни умершихъ родственниковъ несутъ заботу о живыхъ. Между живущими и мертвыми членами рода существуетъ постоянная связь, отъ которой зависитъ самая жизнь и питаніе живущихъ, ибо прежде чѣмъ материальный человѣкъ убиваетъ лося или оленя, духъ его родственника предварительно долженъ убить тѣнь обреченного на смерть животнаго, иначе оно не дается охотнику. Тѣни умершихъ являются покровителями рода, и входъ тѣни умершаго въ новорожденного считается особымъ благоволеніемъ и счастіемъ для ребенка. По большей части въ новорожденныхъ входятъ не случайныя души, а возобновляющія земную жизнь тѣни умершихъ родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ ребенокъ наружно похожъ на умершаго родственника, и когда онъ начинаетъ говорить, онъ прежде всего объявляетъ, какая душа въ немъ поселилась. Въ старину тогда только ребенокъ получалъ имя, и именно имя умершаго родственника. Теперь же дѣти получаютъ имена при крещеніи, но крестное имя съ моментомъ установленія личности тѣни, поселившейся въ ребенкѣ, замѣняется именемъ этой тѣни. Поэтому многіе юкагиры, которыхъ зовутъ Иванами, Петрами, записаны въ метрикахъ Михаилами, Васильями. Этотъ же обычай заимствовали отъ юкагировъ и колымчане русскіе, но что еще интереснѣе, я нашелъ его у якутовъ. Ночуя разъ у князца Кангаласскаго наслега, я былъ удивленъ тѣмъ, что онъ назвалъ своего сына Уйбанъ (Иванъ). Изъ переписи я зналъ, что мальчикъ числится Павломъ (Байбалъ). «Почему ты зовешь сына чужимъ именемъ», спросилъ я его. «Э, отвѣтилъ онъ, это имя нашего родственника, умершаго въ осенний годъ». Оказалось, что способность рѣчи открылась у ребенка слѣдующимъ монологомъ: «Много нась было на Джаргатахъ (урочище въ притундренной полосѣ), все умерли и только на одной лошади уѣхали». Такъ говорила въ немъ поселившаяся душа родственника «уру — кута».

Дѣло тутъ было въ томъ, что въ оспу 1884 г. умеръ ихъ родственникъ Иванъ, состоятельный якутъ, на его могилѣ закололи по обычаю коня. Въ это же время умерло нѣсколько бѣдныхъ якутовъ, на могилѣ которыхъ не были заколоты лошади. Такимъ образомъ всѣ бѣдныя души усопшихъ должны были

совершить трудный и утомительный путь въ подземное царство на тѣни одной только лошади.

Обратившись теперь къ чукчамъ, мы увидимъ, что ихъ отношенія къ тундреныхъ родамъ интереснѣе якутскихъ и связь ихъ съ ними древнѣе.

Якутскіе рыбаки края Яковъ вяжутъ сѣти изъ конскихъ волосъ передъ выходомъ въ юрту.

У бродачихъ родовъ западной тундры сохранилось не мало преданий о древнемъ пребываніи чукочъ къ западу отъ Колымы: на это указываетъ также название рѣки Большой Чукчей.

Согласно упомянутымъ же преданіямъ, Алаи, т. е. тундреные юкагиры, воевали съ чукчами, между тѣмъ, какъ у обруссѣвшихъ Омолонскихъ, такъ и у Верхнеколымскихъ юкагировъ я записалъ вполнѣ тождественные преданія о томъ, что юкагиры съ чукчами не воевали, ибо считались родными братьями, посѣтъ взаимного убийства которыхъ солнце должно было померкнуть. Имѣются

на тундрѣ и материальныя указанія на древнее пребываніе тамъ оленного племени — въ остаткахъ жертвенныхъ кучъ оленьихъ роговъ, складываемыхъ чукчами въ весенний праздникъ роговъ и на могильникахъ; бродачіе жители тундры приписываютъ ихъ чукчамъ, но г. Богоразъ полагаетъ, что это есть слѣды вымершаго племени чааченовъ, служившаго связывающимъ звеномъ между двумя древними племенами края, собаководами юкагирами и оленеводами чукчами. Но кто бы ни были древніе олennые люди тундры, въ новѣйшее время чукчи впервые появились къ востоку отъ Колымы недавно. По даннымъ, почерпнутыхъ мной въ Нижнеколымскомъ архивѣ, въ первый разъ чукчи обратились съ просьбой позволить имъ перейти со стадами на лѣвый берегъ Колымы къ ревизовавшему округъ чиновнику Шевелеву въ 1857 г. Тогда же нѣкоторые чукчи были привлечены къ платежу ясака. Баронъ Майдель приписываетъ себѣ починъ въ дѣлѣ перехода на западный берегъ Колымы и первой попытки обложенія чукочъ, что относится къ 1869 г. Какъ бы то ни было, чукчи, съ вѣдома представителей русской власти, появились на западной тундрѣ въ началѣ второй половины текущаго столѣтія.

Въ 70-хъ годахъ вся тундра была полна чукотскими стойбищами. Многіе чукчи перешли р. Алазею и появились не далеко отъ Индигирки, уже въ предѣлахъ Верхоянского округа. Надо замѣтить, что совершенно неправильно считаются р. Алазею границей между Колымскимъ и Верхоянскимъ округами. Не говоря уже о чукчахъ, значительная часть Колымскихъ якутовъ живетъ къ западу отъ р. Алазеи. Оспа 1884 года скосила около половины чукочъ западной тундры. Многіе изъ богатыхъ чукочъ обѣднѣли, оставшись почти безъ оленей. Съ одной стороны ихъ обѣдали вѣчно голодные тунгусы и юкагиры, а съ другой стороны разоряли русскіе и якутскіе торговцы водкой и другими соблазнами. Многіе чукчи поэтому поспѣшили убраться отъ новыхъ друзей назадъ, къ востоку отъ Колымы. Во время моего проѣзда по тундрѣ съ Колымы на Индигирку около 30-ти чукотскихъ лагерей были главнымъ образомъ расположены на морскомъ берегу въ устьяхъ всѣхъ рѣкъ къ западу отъ Колымы до Шадрана. Это олennые люди, но зимой промышляютъ также тюленей. За отсутствіемъ лѣса они пользуются для топлива плавникомъ. Нѣкоторое количество чукотскихъ лагерей тундры откочевываютъ на зиму къ лѣсамъ восточного берега Колымы, около устья Омолона. Три чукотскихъ стойбища я во время своего проѣзда засталъ на среднемъ теченіи Алазеи, а 9 лагерей на р. Іерченъ, притокѣ Индигирки. Къ западу отъ Колымы это самые богатые чукчи, обладатели стадъ въ 3000—5000 оленей. Это также самые западные чукчи. Зимой они живутъ въ долинѣ рѣки Іерченъ, недалеко отъ устья которого начинается лѣсъ, а лѣтомъ поднимаются къ сѣверу, въ сторону Шадрана и Алазеи. Между стойбищами Іерченскихъ чукочъ и послѣдними жительствами якутовъ Колымского округа съ одной стороны и якутскими семействами на Индигиркѣ съ другой, лежитъ необитаемая гористая тундра разстояніемъ съ обѣихъ сторонъ въ 200—250 верстъ. Путь къ этимъ чукчамъ ле-

житъ какъ со стороны Алазеи, такъ и со стороны Индигирки по отрогамъ хребта, который служить водораздѣломъ этихъ рѣкъ и главная ось котораго

Типы чукочъ съ рѣки Йерченъ (профиль).

тянется діагональю между среднимъ теченіемъ Индигирки и нижнимъ Алазеи. Мѣстность состоитъ изъ голыхъ отроговъ, лишенныхъ растительности. Только

Типы чукочъ съ рѣки Йерченъ (фасъ).

на нѣкоторыхъ сопкахъ и по берегамъ рѣчекъ торчать одиноко отдалыя уродливыя лиственницы. Дороги нѣтъ, ибо тамъ господствуютъ постоянные вѣты,

которые заносить всякий следъ. Безъ опытнаго проводника тамъ ходить не со-
вѣтуютъ. По хребтамъ легко заблудиться, а когда настигаетъ пурга, то при-
ходится лежать подъ сибирскимъ заносомъ, пока она не прекратится. Все это
исколько не мѣшаетъ пилигримству со всѣхъ сторонъ юкагировъ, тунгусовъ
и ламутовъ къ чукотскимъ оленямъ. Кругомъ чукотскихъ стойбищъ раскинуты
жалкіе кожаные шатры голоднаго бродячаго люда, выжидавшаго подачекъ,
выпрашивавшаго въ долгъ оленьяго мяса или предлагающаго себя въ пастухи.
Съ самыхъ верховьевъ Инидигирки приходятъ «каменные» ламуты, чтобы сдѣ-
латься пастухами чукотскихъ оленей. Когда я проходилъ черезъ этотъ хребетъ,
направляясь къ чукчамъ, у меня вдругъ оказалось столько спутниковъ: ламу-
товъ, тунгусовъ и юкагировъ, что поездъ мой былъ похожъ на переселеніе

Виды гористой тундры.

цѣлаго племени. Это все были спутники приживальщики, присоединившіеся къ
намъ подъ предлогомъ быть полезными въ качествѣ проводниковъ, но съ раз-
счетомъ, что на ночевкахъ я ихъ не обдѣлю чаемъ и сухарями, а мои воз-
чики чукчи—мясомъ.

Чукчи, переселившись на западъ отъ Колымы, съ одной стороны внесли
новую струю не только въ материальный бытъ другихъ бродячихъ родовъ, но
и въ ихъ нравы, обычаи и брачныя отношенія, съ другой стороны сами пе-
ренимаютъ многое отъ другихъ племенъ.

На материальный бытъ тундреннаго населенія переселеніе чукчей пов-
лило въ общемъ неблагопріятно. Во-первыхъ первобытная готовность богатыхъ
оленеводовъ убивать оленей, для людей нуждающихся въ пищѣ, отвлекала безнечнаго
охотника отъ промысла. Во-вторыхъ конфликтъ между хозяйственными расчетами
оленеводческой экономіи и обычаемъ гостепріимства и ненасытностью проси-
телей долженъ быть разрѣшиться кризисомъ. Одни чукчи обѣдили, другие пе-
реселились на востокъ, третыи перестали давать даромъ оленей, а тундренное

молодое поколѣніе отвыкло отъ охоты. Старики говорять, что нынѣшніе молодые люди научились быть пастухами чужихъ оленей, но стали плохими промышленниками.

Кромѣ того чукотскій домашній олень захватомъ кормовицъ, вытеснилъ полевого. Тунгусы говорятъ, что дикій олень убѣжалъ отъ домашняго, какъ послѣ пала, и ушелъ на острова. Въ промыслѣ песцовъ молодые чукчи начинаютъ конкурировать съ другими бродячими людьми.

Мой переѣздъ съ р. Алазеи на р. Іерченъ. Чукчи-ямщики собираютъ утромъ на почлегъ оленей, чтобы отправиться въ дальнѣйшій путь.

Съ другой стороны, у чукачъ, въ особенности у Іерченскихъ, тоже произошли измѣненія въ хозяйствѣ. Тунгузскій олень, какъ Ѳздовой и болѣе ручной, цѣнится значительно больше чукотскаго. Чукчи Іерченскіе, при помощи подбора, совершенно измѣнили первоначальную расу своихъ оленей. Они научились промышлять сѣтями на озерахъ рыбу и подобно ламутамъ стали Ѳздить также на оленяхъ верхомъ.

Извѣстно, что примитивныя религіи весьма легко включаютъ въ свой пантеонъ на правахъ божествъ духовъ, которыхъ почитаютъ сосѣдніе народы. Такимъ же образомъ изъ терпимаго отношенія первобытныхъ племенъ къ обычаямъ и обрядамъ другъ друга возникаютъ заимствованія. Но болѣе всего располагаютъ къ нимъ брачные союзы. Значительная часть женъ западныхъ чукачъ состоять изъ ламутокъ, тунгусокъ и юкагирокъ, а въ тундренныхъ родахъ уже встрѣчаемъ чукчанокъ. Чукча, пріобрѣтая куплей тунгуску, подчиняется всѣмъ описаннымъ выше обычаямъ сватовства и брачнымъ обрядамъ. Онъ даже первые дни послѣ прибытія невѣсты въ его домъ носить вышитый тунгусо-юкагирскій костюмъ, привозимый въ числѣ приданаго невѣстой. Старикъ чукча Аара самымъ уморительнымъ образомъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ послѣ женитьбы на тунгускѣ носилъ 3 дня тунгузскій расходящійся кафтанъ и все думалъ, что брюхо у него вылетитъ *). Но тунгуски или юка-

*) Тунгусо-юкагирская верхняя одежда состоять изъ кафтана съ расходящимися полами, а чукотская—изъ глухихъ мѣховыхъ рубахъ.

тирки, перейдя въ домъ чукчи, должны одѣть чукотскій костюмъ, менять образъ жизни и подчиняться требованіямъ чукотскаго поліандро-полигамического

Чукчанки съ р. Іерченъ (фасъ).

браха, названнаго г. Богоразомъ перемѣннымъ бракомъ и заключающагося въ

Чукчанки съ р. Іерченъ (профиль).

томъ, что люди, состоящіе въ такомъ союзѣ, имѣютъ взаимное право на доже

своихъ женъ. Я спросилъ одного почетнаго тунгуса, сестра которого передъ этимъ была отдана чукчамъ, будетъ ли его сестра жить со смѣшными товарищами мужа. «Поневолѣ будетъ, если мужъ прикажетъ», отвѣтилъ онъ. Извѣстны случаи подчиненія этому обычая русскихъ женщинъ, вышедшихъ за чукчъ, только якутки питаютъ такой страхъ передъ дикими нравами, образомъ жизни и брачными обычаями чукчъ, что я не знаю ни одного случая перехода якутской женщины въ чукотское стойбище. Я видѣлъ на уроцішѣ Сенкель якутскую девушку, проданную было ея дядей чукчамъ за 30 оленей, но, привезенная въ чукотскій лагерь, она сопротивлялась совершенію обряда пріобщенія ея къ семейному культу т. е. помазанію жертвенной кровью, си-

Группа Іерченскихъ чукчъ.

дѣла безъ сна, безпрестанно рыдая, такъ что чукчи рѣшили ее вывезти обратно къ якутамъ. Разумѣется своихъ оленей они отъ якутовъ обратно уже не получили.

Съ другой стороны тунгусо-юкагиры нерѣдко въ качествѣ пріемныхъ зять отрабатываютъ у чукчъ какъ Іаковъ у Лавана, а случаи, что они состоять съ чукчами въ союзѣ перемѣнного брака, довольно часты.

Впрочемъ группа западныхъ чукчъ довольно быстро ассимилируется со своими новыми сосѣдями. Они оказываются способными къ усвоеніямъ другихъ языковъ. Молодое поколѣніе говорить хорошо по ламутски, а пѣкоторые чукчи знаютъ по юкагирски и по якутски.

Нравы и обычай ихъ значительно смягчились. Вместо того, чтобы жечь или бросать мертвцовъ на сѣщеніе песцамъ, они уже начинаютъ хоронить своихъ покойниковъ въ землѣ. Стариковъ и старухъ уже не убиваютъ. Лѣтъ пять тому назадъ на Алазѣ еще задавили чукчу Эчейвуке ремнемъ его два

сына, по его собственной просьбѣ. Съ тѣхъ поръ не слышно больше объ исполненіи этого обычая. Можно думать, что черезъ короткое время западные чукчи войдутъ какъ одинъ изъ этническихъ элементовъ, изъ которыхъ состоять бродячие роды и придаутъ имъ новую окраску.

Если нѣсколько десятковъ лѣтъ достаточно для того, чтобы взаимодѣйствіе разнородныхъ племенъ произвело новыя отношенія и смыщеніе обычаевъ, то нѣсколько сотенъ лѣтъ тамъ могутъ повести къ коренному измѣненію типа. Первобытныя племена, какъ простѣйшіе организмы, весьма мало устойчивы. Два съ половиной вѣка, протекшіе между завоеваніемъ крайняго сѣверо-востока и нынѣшнимъ временемъ, несомнѣнно произвели глубокія измѣненія въ бытѣ и типѣ населенія. Съ тѣхъ поръ не только отдельные роды, но и цѣлые племена вымерли, или растворились въ крови другихъ народностей. Такъ на краю исчезновенія находятся теперь два тундреныхъ юкагирскихъ рода. Какъ интересно было бы знать, что представляло собой населеніе тундры во время прихода на нее русскихъ въ 17 вѣкѣ!

Къ сожалѣнію первые завоеватели не интересовались этнографіей, и всѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ къ ихъ донесеніяхъ, касаются количества собранныхъ въ ясакъ мѣховъ и въ лучшемъ случаѣ приводятся, и то не всегда верно, имена вновь обложенныхъ племенъ.

Вл. Іохельсонъ.